

П.А. НОВИКОВ

Полное собрание сочинений

Том 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

16+

Павел НОВИКОВ

Полное собрание сочинений. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Новиков П. А.

Полное собрание сочинений. Том 2 / П. А. Новиков — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Том 2 из 5. Проза в продолжение тома первого. Четыре романа: «Большое и малое», «Питая лучшие чувства», «Четыре человека» и «Десять к одному». Результат более позднего периода творчества, а потому претензии относительно работ тома 1 ещё весомее. Содержит нецензурную брань.

© Новиков П. А., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Предисловие	5
Большое и малое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Предисловие

Том второй является простым продолжением тома первого. Так же романы. Всё в той же хронологической последовательности. Сия проза, конечно, на редкого любителя. А учитывая мою стилистику – на *очень* редкого. Да даже и, не учитывая «слога», есть тут ряд характерных особенностей. Во-первых, всё действие заключается исключительно в диалогах. Во-вторых, минимум описательства. В-третьих, сюжет не в действиях, но в мыслях, в словах. И в-четвёртых, разумеется, большая претензия на Смысл, на «философичность». Более того, каждый роман содержит в себе одну какую-то главную мысль и эта мысль так или иначе показывается и доказывается. Роман в этом контексте всего лишь способ доказательства. А коли так, то уже неважны сами герои с их какой-то там душевной организацией, неважны декорации, неважен даже и сюжет как таковой, если он не приближает окончательное доказательство Мысли. Так оно есть и так оно должно восприниматься. Соответственно, если у Вас по прочтению возникает претензия, что характер главного героя не раскрыт... Что ж, значит вы наблюдательны. Но, с другой стороны, значит, вы ничего не поняли. Не поняли в стиле, в том, *что* это всё есть по сути: мысль и доказательство. Не более, но и не менее того.

Впрочем, ничего особо удивительного в такой литературе нет. Самым любимым писателем у меня всегда был Достоевский, не подумайте только, что я сравниваю себя с ним, об этом речь не идёт, но в рамках сухих характеристик оно, в общем-то, в одном русле. К творчеству Достоевского применимы все те же характеристики: обилие диалогов, сюжет в мыслях, Смысл, и какая-то мысль с последовательным доказательством на протяжении многих сотен и сотен страниц. Только у Достоевского это всё выглядит куда более естественно, здесь же откровенная гипербола почти во всём и выпячено так, что частенько невидно самого «литературообразующего», только Слова.

Что было не в том же русле, так это рассказы. Их было немного, около двадцати, половина из которых одностраничные заметки, а половина просто... не очень. Но зато здесь было разнообразие. И стилистика, и нехарактерное описательство, и что угодно ещё. Однако ж, ни о чём. Не показательно, мало, во многом лично-непонятное (описание практики, как работает аппарат УЗИ, мотивы каких-то событий и т.п.), а во многом откровенно скучно. Потому и не размещено. В остальном же всё более или менее серьёзное присутствует. То и читайте.

Большое и малое

*«Что в лоб, что по лбу»
Народная мудрость.*

Маленькая однокомнатная квартира. На кухне всё лежит на правильных местах, никаких крошек, мусора нет. В комнате та же картина: всё там, где надо, ничего не разбросано, паутины по углам нет. В углу комнаты стоит телевизор, в другом углу – компьютер, в третьем кресло, довольно уже старое и полинявшее, в четвёртом журнальный столик с некоторым количеством неплохих книг. Ещё в комнате есть диван, шкаф, заставленный книгами: от Марка Аврелия до Ницше и от Эразма Роттердамского до Акимова. Над диваном висит замечательный, правда, не гармонирующий со всем остальным убранством, ковёр, на полу палас нейтрального цвета. В целом опрятная и светлая комната, оставляющая приятное впечатление.

Здесь Сергей и жил. Сейчас он, ещё даже не прожевав ужин, незамедлительно направился к своему верному компьютеру.

«Так, на чём я тут закончил?» – подумал он.

«Ага, что-то об эгоизме. Итак...»

Сергей сосредоточился и начал печатать.

«Для кого и для чего живёт человек»? Наряду с таким вопросом, как «Стоит ли жизнь того, чтобы её прожить?», этот вопрос занимает ключевое место во всей философии. Первоначальное значение здесь имеет, прежде всего, вопрос о том, ради себя ли одного он живёт, или и для других тоже? Первый вариант – индивидуализм, второй – гуманизм и иже с ними. Практически вся современная психология утверждает, что только ради себя; даже то, что мы делаем для других, мы, по сути, делаем всё равно для себя, всего лишь *через* действия, к ним получая удовольствие.

«У тех, кто придерживается...»

«Нет, не так», – он стёр.

«У противников же такого взгляда на бытие тоже существуют веские доводы в пользу их точки зрения, которые, в общем, можно свести к тому, что иногда бывает...»

«Нет, не звучит», – он опять стёр, – «...иногда всё-таки человек делает другому добро, причём тот другой об этом может и не знать или же не знать человека как такового. Однако, в такого рода утверждениях, которые действительно имеют место быть, упущена сама суть приведённой выше дефиниции: человек делает добро другому, чтобы получить удовольствие *от содеянного*. Тем самым...»

На улице кто-то громко закричал, зовя то ли Коляна, то ли Толяна.

– Вот чёрт, сбили с мысли. Что я там написал? Угу. «...здесь человек и донор, и акцептор; смысл здесь имеет само действие, но никак не другой человек; тот – лишь средство. Само *действие* несёт удовольствие. Это следует уяснить и смириться. Но бывает же и так, что человек жертвует...»

– Нет, не так, – он стёр всё предложение

– Лучше... «Но как же порою человек жертвует даже своею жизнью, ради спасения другого?» – возразят мне гуманисты. Да, человек может вытащить ребёнка из огня, а сам погибнуть; может броситься под танк, обвязанный гранатами, может быть подвергнут пыткам до смерти, но не выдать сподвижника и т.д. И ведь правда... Чушь – нет. «Действительно, здесь никакого удовольствия нет, т.к. человек умирает, мёртвые же, как известно, не смеются (никакого удовольствия ни во время совершения действия, ни после его завершения). Что же выходит, человек может быть и неэгоистичным? Может что-то сделать и не ради себя одного?

«Никак нет. Дело в том, что...»

Зазвонил телефон, как всегда, не вовремя.

– Да.

– Серёг, ты?

– Я. Здорово, Андрей.

– Привет. Слушай, ты завтра до какого времени на работе будешь?

– У меня завтра две первых пары.

– Плохо, – расстроился Андрей.

– А что?

– Да так, другу одному помочь надо. Какой-то у него там расчёт в дипломе не получается.

– Ну, пускай приходит.

– Да он раньше двух не сможет.

– Ну, пускай тогда послезавтра приходит.

– Послезавтра выходной.

– А, ну да.

– Совсем ты, я вижу, заработался.

– Да нет, просто из головы вылетело.

– Ты б отдыхал почаще.

– Выпить и по девкам?

– А что?

– Не приемлю такой отдых. Никакой пользы для ума.

– Зато польза для тела.

– Где же здесь польза для тела?

Андрею сегодня не хотелось что-либо доказывать.

– А тебе лишь бы муть всякую читать и произвешеньище своё дописывать.

Сергей промолчал, так как знал, что спорить на эту тему бесполезно, и Андрей это знал, а потому он решил завершить разговор.

– Ну ладно, мне пора.

– Куда?

– Отдыхать.

– А-а, ну тогда пока.

– Ага, до завтра.(или литературно, до завтра)

В трубке послышались гудки, и Сергей снова сел за работу.

Однако, писать уже как-то расхотелось.

Сергей попробовал сосредоточиться, но мысль упорно не шла.

«Вот Андрей! Совсем сбил с мысли, весь настрой пропал, – Сергей облокотился на руку. –

Терпеть не могу, когда меня сбивают, – он выключил компьютер. – Ладно, потом допишу. Пойду, почитаю».

Двухкомнатная квартира, на кухню страшно зайти: всюду немытая посуда, на столе крошки. Вдоль стены стоят кухонный комбайн, миксер и микроволновка, все в пыли, да ещё и неработающие. В комнатах по большей части то же самое: кровать не прибрана, на стульях разбросаны вещи. Заметно, что палас не выбивался лет пять как минимум. В местах, где отклеились или потёрлись обои, висят плакаты с обнажёнными натурами. Впрочем, Андрей управлялся с этим беспорядком меньше чем за час, рассовав валяющиеся вещи по шкафам, а мусор, заметя под диван, под который, к счастью, никто не догадывался заглядывать.

Андрей доел жареную картошку, вернее даже пережаренную, допил пиво и, ничего не убирая, пошёл смотреть телевизор.

Он завалился на диван и взял пульт.

«Здесь ничего, здесь тоже, тут чушь какая-то... Новости, на кой они мне? Так, это вроде бы мелодрама, и кто только такую чушь смотрит? О-о, боевичок, это можно посмотреть».

Он улёгся поудобнее – и закурил.

Прошло положенное время, и фильм закончился. Андрей взял программу: «Так, что у нас сегодня? «Зелёная миля» – чушь, «Красотка» – редкостная чушь... Ага, «Смертельная охота», ну это ещё неплохо. Почти через два часа. Долго. Позвонить, что ли, кому-нибудь? А-а, я же Ваньке обещал расчёт сделать. Та-ак, надеюсь, Серёга дома, хотя где ему ещё быть-то?»

Он набрал номер Сергея.

– Да,– послышалось в трубке. Опять было плохо слышно.

– Серёг, ты?

– Я, здорово, Андрей.

– Привет. Ты завтра до какого времени на работе будешь?

...

Андрей положил трубку и усмехнулся.

«Вот уж странный человек. Мужу двадцать четыре года, выглядит нормально, а на уме только Шпенглера да Камю какие-то. И когда только жить собирается? Или он намерен всю жизнь свой трактат писать? Вот тоже интересно, уже года четыре, наверное, пишет, а говорит, что ему ещё писать и писать. Делать человеку нечего. Хотя, конечно, мозги у него есть, и ещё какие. Если он это своё произведение когда-нибудь напишет, то это будет если и не переворот в философии и психологии, то уж всемирно известная вещь точно, судя по тому, что он говорит и о чём пишет. И чего только в физику подался? У него ж склад ума чисто философский. Хотя, он человек переменчивый; шесть лет назад была тяга к физике, теперь к философии, через пару лет может ещё куда-нибудь с головой ударится, он это запросто. Сманить бы его на какую гулянку, ему бы вообще цены не было, ещё был бы он повеселее и поувереннее. А так хоть...»

Зазвонил телефон.

– Алло.

– Привет,– послышался милый женский голос.

– Привет.

«Интересно, кто это такая?»

– Это Оля, не забыл?

«Оля, Оля... Что-то знакомое».

– Конечно, не забыл! Разве такую красавицу забудешь? Очень рад, что ты польстила моему вниманию, я уж и не ждал тебя услышать.

Оля хихикнула.

– Что делаешь?– как-то вкрадчиво спросила Оля и, судя по интонации, улыбнулась.

– Жду твоего звонка.

Теперь Оля засмеялась.

– Да неужели?

– А чего же я ещё могу ждать?

Недолгое молчание.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь, а то скучно как-то.

– Да? И во сколько за тобой зайти?

– Во сколько хочешь.

– Тогда я уже бегу. Жди.

– Жду. До встречи.

– До скорой,– Андрей сделал акцент на это слово,– встречи.

Игривый смешок на прощанье, и в трубке послышались гудки.

«Кто хоть такая? Нужно опять Серёге звонить, пусть адрес по телефону найдёт. Хм, где же я с ней познакомился? Может, у Светки? Эта, что ли, кучерявенькая? Или нет? Ладно, какая разница? Всё, надо звонить и одеваться».

Андрей встал и пошёл искать чистую рубашку.

Длинный, тускло освещенный коридор. Туда-сюда шныряют студенты, кто в грусти, кто в печали. Все куда-то торопятся и чего-то хотят. Некоторые останавливаются и в нерешительности стоят перед дверьми, обсуждая что-нибудь со своими друзьями и поглядывая на заветную дверцу. В коридоре имеется множество дверей, на одной из которых висит красивая, приятная табличка с надписью «Аспирантская. Кафедра физики», чуть ниже приписано «Ключ в каб. 335». Обычно народу около неё немного.

За дверью небольшое помещение. Два письменных стола, заваленные всякими ненужными вещами: рефераты, курсовики, лабораторные... У одной из стен стоит лабораторный стол, на котором мирно сосуществуют синхрофазотрон, микроскоп без предметного столика, какой-то немыслимый аппарат и куча различных омметров, вольтметров и амперметров. На стене висят календари за прошлый и позапрошлый год; на этот год календаря нет. Помимо календарей, на шкафу и на стенах висит несколько смешных распечаток, в том числе схема параллельного регистра со сдвигом влево, построенного на RS-триггерах двухступенчатого типа. Внизу приписано: «Nota Bene». А ещё на подоконнике грустно бытует цветок, явно давно не поливавшийся.

Обычно в данной аспирантской находятся два человека: Сергей Леонидович и Андрей Петрович, оба преподаватели физики, совсем ещё молодые люди, которые буквально пару лет назад ещё сами стояли у этой двери. Не очень часто к ним заходят прочие люди, которые обычно сидят в своих подсобках, а те, кто поважнее – на кафедре.

Перемена – сорок минут.

В аспирантскую зашёл Андрей и, бросив на стол папку с очевидным содержимым, поздоровался с Сергеем.

– У тебя ещё одна пара?

– Ага, – не отрываясь от бумаг, кивнул Сергей.

– Везёт.

Андрей развалился на стуле и, приоткрыв форточку, закурил.

– Одна радость – завтра выходной.

– Да ты, судя по твоему лицу, и вчера неплохой себе выходной устроил.

– Да-а. Представляешь, какая-то Оля...

– А почему «какая-то»?

До сих пор не могу вспомнить, где я с ней познакомился.

– Пить надо меньше.

– Ну, ты меня ещё учить начни.

– Молчу, – Сергей отложил бумаги и потёр уставшие глаза. – А я вчера так что-то ничего путём и не написал.

– Что же так?

– Всё из-за тебя, между прочим.

– Почему?

– Раз позвонил, потом ещё адрес понадобился... Весь настрой сбил.

– А обратно настроиться не судьба?

– Не могу, – Сергей обречённо развёл руками.

– Как хоть ты так пишешь?

– Вот так и мучаюсь. Если шум, или там у меня проблемы какие, вообще писать не могу. Только в тишине, как внешней, так и внутренней. Вот так вот.

– Этак ты долго писать будешь.

– А я не тороплюсь. Надо всё продумывать: каждое слово, каждую запятую. Я хочу, чтобы это была идеальная работа. Ты не представляешь, сколько удивительных вещей можно найти, анализируя различных философов: одинаковые источники, но разные выводы; одинаковые выводы, но разные источники, а главное, всё это нагромождение и вообще вся философия, просто замечательнейшим образом подходит под мою теорию, что говорит, между прочим, хоть и косвенно, о её истинности. Нужно только её правильно обосновать и преподнести.

Андрей украдкой зевнул.

– Да, чудненько.

– Да. Объяснение всего мира, всей философии, всего человека...

– Потрясающе, – Андрей потянулся. – А по мне, так гораздо интереснее не прочитать книжку и заняться исследованием какого-нибудь агностицизма, а выпить бутылочку и заняться исследованием женского тела.

Сергей махнул рукой.

– Как хоть ты так живёшь? Ни цели, ни идеалов, ни будущего.

– Зато у меня есть прошлое и уверенность в настоящем.

– А я думаю, что лучше некоторое время жертвовать настоящим ради будущего, чем всю жизнь топтаться на одном месте.

На эту тему они спорили уже не один год, а потому развивать тему не стали.

Сергей покачал головой и полез за очередной сигаретой.

– Ой, Серёг, Серёг, и что тебе неймётся?

– В каком смысле?

– И чем тебе нормальная жизнь не нравится?

– Это не нормальная жизнь, вот у меня...

– И зачем?

– Мне так нравится.

– А почему тебе так нравится?

Сергей уверенно кивнул.

– Вот именно. Неужели тебе так противны обычные средства?

– Я к этому привык.

– А ты замени. Со временем, глядишь, и отвыкнешь.

– Не вижу достойных средств.

– А, например, моё...

– Прimitивно и невысоко.

– Ух ты какой! Высь ему подавай, видите ли.

– Уж, какой есть.

– А, – Андрей махнул рукой и, посмотрев на часы, сунул сигарету обратно в пачку. – Никогда я тебя не пойму.

– Ты просто не хочешь понимать. Разницы-то особо и нет. У меня сначала долго ничего, а потом раз! и всё, а у тебя по чуть-чуть, но постоянно. Смысл от этого не меняется по сути, масштаб только разный.

– Но всегда ж можно поменять этот масштаб.

– Можно.

– Ну.

– Но пока мне что-то не охота этого делать.

Сергей посмотрел на часы и, удивлённо вскинув брови, начал искать на столе свою рабочую тетрадку.

– Странный ты человек, Андрей. И чего только ты делаешь в университете, да ещё и на кафедре физики?

Андрей встал и поправил джинсы.

– А то ты не знаешь, что у меня дядька в пединституте деканом физмата был.

Сергей усмехнулся.

– Неужели тебе всё равно где работать и чем заниматься?

– А какая разница? Жить и работать везде можно, и это ещё далеко не самое плохое место.

Прозвенел звонок.

– Ладно, пошли, философ.

– Только после вас, уважаемый Казанова.

Андрей манерно кивнул и вышел. Сергей следом.

– Всё, до понедельника.

– Ага, до скорого.

Дверь закрылась без скрипа, и они разошлись в разные стороны коридора.

Следующий день от предыдущего мало чем отличался. Те же пары, те же перемены.

Андрей зашёл в аспирантскую и сел за свой стол.

Сергей пришёл чуть позже.

– У тебя на пиджаке нитка.

– Где?– Сергей осмотрел пиджак.

– На правом рукаве.

– А-а.

– Эх, Серёг, что ж ты так неряшливо к себе относишься?

– Нормально я отношусь.

– Ненормально.

– Тебе кажется.

– Неужели? Ты когда в последний раз брюки гладил?

Сергей сел за стол.

– А какая тебе разница?

– Мужик в самом расцвете сил, а совсем не следишь за собой. Сейчас по девкам бы бегал, а ты...

– Ты опять?

– Я тебя уже семь лет знаю, а баба у тебя была всего одна, и то случайно.

– Ну и что?

– Сколько тебе лет?

– Достал ты меня?

– И чего тебе только надо?

– А может быть, я старомоден?

– Ну, и дурак.

– Чувства...

– Ой, неужели без каких-то там чувств нельзя трахнуть бабу?

– Можно, но это всё не то.

– Романтик,– протянул Андрей.– Тоже мне...

– Женщины– это же венец творения, это идеал, это... как к ним можно так относиться?

– Женщины– это распутство и дурь. И главное, они хотят, чтобы к ним именно так и относились.

– Ну, ты загнул!

– А ты посмотри на факты. Кто им больше нравится: воспитанный, культурный человек или хам и бабник? Конечно, все ответят первое, но на самом деле только второе, уж поверь мне.

– Неправда.

– Это в допотопных романах женщины чисты и невинны, а в реальности женщины всегда были, есть и будут похотливыми, хитрыми б...

– Ну не все же...

– Конечно не все. Встречаются и ангелы, но жизнь таких быстро переучивает и они, рано или поздно, всё равно становятся б... И ещё будут раскаиваться потом за скучно прожитые молодые годы.

– Нет, я так к женщинам не могу относиться.

– Но так если они такие...

– Да, может, такие и есть, но это уже что-то из ряда вон. Не понимаю, как некоторые могут смеяться над пошлыми анекдотами, вставлять матюги через слово и пить самогонку из горла. Это уже не *женщина*, это...

– Ну, это, конечно, тоже слишком, но близко к правде. Это и есть жизнь, и прекрати летать в своём розовом представлении. Взгляни на жизнь реально.

Сергей укоризненно покачал головой.

– А как же любовь? Разве вообще можно полюбить такую женщину, и разве она может? А любовь-то есть, значит, далеко не все такие.

– Все, за редким, редким исключением. Только у некоторых всё это снаружи, и они не стесняются, а некоторые так зажаты, что они даже не хотят об этом думать, но стоит им только хотя бы на месяц попасть в компанию нормальных женщин, и всё; все комплексы и все эти тупые идеалы слетят в момент, и они становятся самими собой. А ты любовь, любовь... Любовь – это оправдание закомплексованных. Стоит только сбросить эти комплексы, и вся любовь сразу летит коту под хвост. Да и к нам, кстати, это тоже относится, хотя и в меньшей степени.

– Но ведь они все такие...

– Да, на первый взгляд «не тронь меня, а то завяну», но если бы ты пообщался хотя бы с одной и хотя бы неделю, то понял бы, что я прав.

Сергей с женщинами особо никогда не общался, но действительно, девушки, которых он знал, гораздо лучше относились к парням понаглее, у которых мат через слово и через день сушняк, чем к воспитанным людям. Но Сергей отбросил эту мысль в связи с её явным противоречием всей его системе ценностей.

– А любовь... Сказка. Нет никакой любви. Уж не знаю почему, потому ли, что все люди эгоистичные и похотливые твари, то ли ещё почему, но что её нет, это точно.

– Ну, это ты зря.

– А что?

– Как-то это...

– А где ты видел эту любовь? В фильмах?

– Но люди же встречаются годами, женятся, не изменяют друг другу, значит, любовь всё-таки есть?

– Да, любовь может быть, но только взаимная, при благоприятных внешних условиях и от силы два года, но, по-моему, это уже не любовь.

– Да, это не *любовь*. Но ведь есть же и настоящая любовь.

– Ещё раз повторяю: нет!

– А как же люди живут в браке по пятьдесят лет и продолжают любить друг друга?

– Уже через год-другой это не любовь, а привычка или, если угодно, дружба, а что особенного и возвышенного в привычке?

– «Удачный брак... отвергает любовь и всё ей сопутствующее, он старается заместить её дружбой», так что ли?

– Совершенно верно.

– А любовь к человеку, который не отвечает взаимностью? Человек просто любит, и ради этой любви он готов на всё, разве это не любовь?

– Нет. Хотя сначала, может быть, и любовь, первые два-три месяца, но затем эта любовь перерастает в привычку к этому чувству, потом в принцип, а потом и вовсе «назло».

– Почему же...

– Просто человек не любит проигрывать и начинает называть любовью всё что угодно, лишь бы не сдаться и не признать себя ничтожеством.

– А как же то чувство, которое преодолевает всё: и расстояния, и года, и недругов, и бог знает что ещё?

– Один очень неглупый человек как-то сказал: «Любовь перестаёт жить, как только перестаёт надеяться или бояться». Эта любовь становится обычным средством для борьбы с миром, с обстоятельствами жизни, «всё что угодно, лишь бы не нравиться вам», а почему бы не использовать для этого любовь?

– Но человек же борется именно за эту любовь.

– Да какая разница, за что он борется? Главное, зачем. Получается-то, что не ради любимого человека, а ради того, чтобы доказать миру, что он тебя не сломает, чувствуешь разницу?

Сергей вздохнул.

– Тебя не переубедишь.

– А разве можно переубедить жизнь?

– Но я всё равно верю, и буду верить.

– Ну, и дурак. Когда-нибудь эта вера тебя и убьёт.

– В каком смысле?

– Надеюсь, что только в моральном.

– Не убьёт.

– Всё может быть.

Они на несколько минут замолчали.

Андрей потянулся.

– Сколько там до звонка?

– Три минуты.

– Тогда я ещё успею покурить, – он взял с подоконника пепельницу и закурил сигарету. –

А ты в курсе, что у нас пополнение?

– Да?

– Да. Какая-то молодая особа из пединститута.

– Правда, что ли?

– Истинно говорю.

– А откуда ты знаешь?

Андрей усмехнулся.

– А что ты так занервничал?

– Я?

– Не съест же она тебя.

– Я и не нервничаю.

– Не обманывай меня, – Андрей укоризненно покачал пальцем. – И чего ты их так боишься?

– Я их не боюсь.

– Ты слишком хорошо к ним относишься, а люди боятся идеалов. Относись проще.

– Проще некуда.

– Да ладно уж.

– Андрей...

– Ладно, ладно, молчу.

– И молчи.

– Бабу бы тебе, глядишь, человеком стал бы.

– А сейчас я, значит, не человек?

– Человек, но какой-то не такой.

Сергей махнул рукой. Не любил он спорить на эту тему.

Андрей затушил недокуренную сигарету.

– Сколько там?

– Пора бы уже.

– Ну, тогда пошли.

– Пошли.

Они вышли и закрыли дверь.

Сергей о чём-то увлечённо думал.

– Что, Серёг, боишься за свою спокойную жизнь? Думаешь, влюбишься, да? – с серьёзным видом спросил Андрей и засмеялся.

Сергей тоже улыбнулся.

– И когда ты перестанешь меня доставать?

Пара уже началась, и они поспешили к своим группам.

Сергей сел за компьютер.

Настроение сегодня было что надо, посторонних мыслей не было, на улице никто не кричал. День как будто был создан для того, чтобы печатать.

«Уф, – Сергей вздохнул и потёр руки, – поехали. «... человек *не понимает*, что умрёт. Да, он это знает, отлично знает, но, тем не менее, смерти для человека не существует, а потому делает он всё это так, как будто потом он получит несказанное удовольствие (снова эгоизм), ибо «нет большего счастья, чем собою пожертвовать». В конце концов, что такое смерть, в сравнении с самоутверждением? Кто не согласен, что такое бывает (самоутверждение ценою смерти), пусть хотя бы посмотрит на подавляющее большинство суицидентов и попытается понять, ради чего, *по сути*, они себя убивают.

В конце концов...» – Ой, нет. «Подводя итог, следует отметить, что как бы ни прискорбно это не звучало для гуманистов, коммунистов и просто филантропов, но человек живёт только ради самого себя ну или, точнее, для получения *себе* удовольствия...» Как-то звучит не так, как-то... А, ладно. «... посредством самоутверждения. Причём, как уже было упомянуто, самоутверждение происходит через действия, т.е. достаточно просто самому верить, что этим ты самоутвердишься и получишь удовольствие, даже если никто этого не видит или не понимает (т.е. даже если не соблюдаются *мнимые* составляющие, заложенные в самом этом понятии). Что интересно, достаточно много философов (Шопенгауэр, Ницше, Камю...) и психологов (Юнг, Фром, Адлер...) несмотря на то, что не утверждали (большинство из вышеупомянутых), что главным стремлением (волей) человека является стремление (воля) к самоутверждению, упоминали данное стремление, но или как ведущее к несчастью (Шопенгауэр), или искажали (Ницше), или называли вторичным, не главным стремлением, стремлением от людей (Фром, Камю).

О том, где фундирована данная воля (производная, вторичное проявление искомого инстинкта самосохранения, ввиду того, что человек приобрёл новую среду обитания – ноосферу) и что она, эта воля, из себя представляет, будет позже; сейчас примем это просто на веру.

«То, что человек стремится только к наслаждению...» Стоп, какое ещё наслаждение? Не так, лучше «...к удовольствию, что конечное целью всегда является счастье, так же очевидно для девяносто девяти процентов философов и психологов (исключения можно пересчитать

по пальцам). Это и Шопенгауэр (только мягче: «избежать страданий»), это и Фрейд, тот же Фромм, гедонисты, стоики (опять же, *по сути*) и т.д.

Тем самым мы видим довольно ясную цепочку...»

– Хм, а где эта цепочка? Сергей перечитал последний абзац.

– Непонятно. Тогда... Допустим пока что так: «...внутреннюю...» Некрасиво.

– Может?... Что-то не придумывается. Ну-у... Нет, не знаю, пусть пока так остаётся. Что там у нас? Угу, «...цепочку: воля к самоутверждению – выбор цели (средства)– действия– самоутверждение (безусловно, в случае достижения) – удовольствие. Если рассматривать данную цепь обособленно, не всматриваясь в её связи с прочими структурами психики, то мы получаем, что стремление это более или менее понятная вещь (или будет понятной в дальнейшем): удовольствие, как конечная (*эгоистичная*) цель – ясно, рефлексия – лишь проявление, а потому в рамки данного исследования входить не будет, а вот цели (средства)...»

– Сколько там времени? Сергей посмотрел на часы.

– Продолжать, или потом? Полностью я написать эту тему сейчас не успею, за книжкой ехать надо, а так... Может начать? Не, это не дело; не стоит торопиться. Потом, вечером допечатаю. Нет, вечером книжка. Тогда... Ладно, там видно будет.

Сергей сидел за своим столом и увлечённо читал одну из своих любимых книг. Обычно на переменах он только этим и занимался, если, конечно, Андрея не было поблизости.

Сергей мельком просмотрел две страницы и начал быстро читать концовку главы, зная, что вот-вот должен прийти Андрей, и что тогда он уже ничего не почитает. Однако дочитать он всё равно не успел.

– Здорово.

– Привет.

Андрей повесил пальто на вешалку.

– Жди.

Сергей отложил книгу.

– Чего?

– Не чего, а кого.

– Что-то я не понимаю.

– Пополнение прибыло.

– Откуда ты знаешь?

– Люди говорят.

– И когда она придёт?

– С минуты на минуту. Ты думаешь, чего я в начале большой перемены припёрся?

Андрей подошёл к зеркалу и стал поправлять причёску.

– Что это ты прихорашиваешься? Приударить хочешь?

– Я её ещё не видел.

– А если она прямо-таки топ-моделью будет?

Андрей задумался.

– Не.

– Почему?

– Девушки друзей и коллеги по работе – это святое.

– Тогда что ты перед зеркалом крутишься?

– Ну, блин, если я её не хочу, это ещё не значит, что я должен выглядеть, как урод. Хорошее мнение ещё никому не повредило.

– Понял.

– Понял, – мужик бабу донял! – Андрей засмеялся.

– Ты сегодня в ударе.

– Я не ты. Я могу себя настроить, независимо от окружающих и изначального настроения. Наконец Андрей закончил прихорашиваться и посмотрел на Сергея.

– А ты что сидишь?

– А что делать?

– Причесался бы, что ли.

– И так сойдёт.

– Ладно, я сам тебя причешу.

Андрей чуть не силой причесал Сергея.

– И не трогай.

– Огромное тебе спасибо.

– Не за что. Носи на здоровье.

Андрей сел за стол и достал тетрадь с задачами.

– Ну что ты опять сидишь?

– Ну, теперь-то что?

– Возьми книжку и читай. Не показывай виду, что ты знал о её приходе.

– Ясно.

Прошло около пяти минут. В дверь постучали.

Андрей улыбнулся.

– Войдите.

Дверь медленно открылась и вошла она: ..., красота, да и только.

– Здравствуйте,– сказала она и неуверенно улыбнулась.

– Здравсти,– кивнул Сергей и отложил книгу.

– Привет, заходи.

Дверь закрылась.

– Как вас звать-величать?

– Ирина Александровна...

– Ну, зачем же так официально? Мы же не студенты.

Ирина снова застенчиво улыбнулась.

– Садись за мой стол, а мы уж с Сергеем как-нибудь потеснимся.

– Спасибо.

Андрей встал и, взяв старый стул, подсел к Сергею. Ирина положила сумочку на стол и, поправив юбку, села.

– А, кстати, я– Андрей, он– Сергей. Преподы.

– Очень приятно,– Ирина кивнула им в ответ и на секунду задержалась взглядом на книге Сергея.

– Он у нас философ.

Сергей немного покраснел.

– Ну не философ...

– Да ладно уж. Все уши мне прожужжал своими Штирнерами и Хайдеггерами.

– А что вы сейчас читаете?

– Камю.

– О-о, я тоже люблю Камю, особенно его «Отверженный», там такой смешной главный герой.

«Ну вот, очередная чокнутая»,– подумал Андрей.

«Ни черта не соображает, опять поговорить не с кем»,– подумал Сергей.

– Да, неплохая вещь,– Сергей был немногословен и вообще чувствовал себя не в своей тарелке, в отличие от Андрея.

Андрей решил прервать возникшую минуту молчания.

– А вы только отучились?

- Да.
- Ещё нигде не работали?
- Нет.
- Ну, тогда вам несказанно повезло, вы с ходу попали в самый замечательный коллектив. Ирина хихикнула.
- Заметно.
- Честное слово. Видимо, вы – очень везучий человек.
- Наверное.
- «А она ничего».
- «А она ничего».
- А вы замужем? – как бы между делом поинтересовался Андрей и отвлечённо посмотрел куда-то за Ирину.
- Вот так сразу? – Ирина улыбнулась.
- Я, конечно, дико извиняюсь за некорректно поставленный вопрос, просто нам хотелось бы знать о вас немного больше, чем просто специальность. Вот я, например, не женат, и Серёга не женат.
- Я тоже не жен... ой, – она снова мило улыбнулась. – Не замужем.
- «Жаль, что она будет со мной работать».
- «А она очень даже...».
- А-а. А у вас сейчас пара?
- Ах, да.
- Что такое?
- Я забыла узнать, в каком я кабинете.
- Бывает.
- Извините, я на секунду отлучусь.
- Ирина встала и, в очередной раз одарив всех своей очаровательной улыбкой, вышла.
- Да-а.
- Да-а.
- Нам повезло.
- Угу.
- Ты что, говорить разучился?
- А что я скажу?
- Я-то что-то говорю. И прекрати на неё коситься, ты её уже совсем раздел.
- Сергей даже возмутился.
- Чего?
- Не пялься, говорю.
- Сергею никогда не нравилось, когда Андрей начинал его учить; это его злило.
- А сам-то.
- Что «сам-то»?
- Ты её уже не просто раздел, а уже вые...
- Серёга! – Андрей засмеялся. – Какие ты, оказывается, хорошие слова знаешь. Да, надо почаще тебя выводить.
- Да иди ты, – Сергей обиделся.
- Да ладно тебе, не обижайся.
- Шёл бы ты...
- Ну, продолжай!
- Не буду.
- Вот чёрт.
- И хватит издеваться.

– Больше не буду.

– Очень хорошо.

– По крайней мере, при ней.

Сергей выразительно посмотрел на него.

– Всё, всё, молчу.

– И правильно.

Андрей пристально взглянул в глаза Сергея.

– Эх, Серёг, смотри, не влюбись.

– Достал ты меня, – Сергей опять начинал злиться.

– Я-то в эту чушь не верю, у меня иммунитет, а вот ты...

– Иди на х...

– Да! Да! Свершилось!

Вернулась Ирина.

Сергей сидел, накупившись, а Андрей безудержно смеялся.

– Что это вы?

– Ты не представляешь, он первый раз за эти два года послал меня на х...

Андрей рассмеялся ещё сильнее, а Сергей покраснел.

– Не понимаю.

– Он...

– Андрюх, заткнёшься ты или нет?

– Он сказал, чтобы я заткнулся! – Андрей просто ухохатывался.

Сергей молчал.

Андрей вытер слёзы.

– Я не понимаю, что такое-то?

– Как что? Первый раз за два года слышу от него слово «х...». Понимаешь ли, он очень культурный человек: он никогда не повышает голос, не ругается матом, не курит, не пьёт... И даже видите, как ему не нравится, что я при вас говорю слово «х...».

– Андрей...

– Всё, больше не буду. Буду молчать, как последний дол...б, – Андрей снова рассмеялся.

Ирина тоже начала смеяться, прикрыв рот рукой.

– Извините его, он слегка не в себе. Просто всё прекрасное весьма тлетворно на него действует, хотя, впрочем, я его понимаю.

Андрей засмеялся ещё сильнее.

Ирина улыбнулась Сергею.

– А вы необычный человек.

– Спасибо. При вас любой человек станет необычным.

Ирина ещё раз улыбнулась.

– А сколько ещё до пары?

Андрей почему-то засмеялся ещё сильнее и практически сполз под стол.

Сергей посмотрел на часы.

– Чуть больше пяти минут.

– Тогда я, наверное, пойду, не хочу опаздывать.

– Вы знаете, где находится этот кабинет?

– Да.

– Тогда удачной вам первой пары.

– Спасибо.

Ирина взяла тетрадь и вышла.

– «Она – само совершенство».

Андрей вылез из под стола, но, посмотрев на лицо Сергея, сполз обратно.

– А это кто такая?

Довольно громко играла музыка, и Владимир не услышал.

– Чего?

– Вон та, с титьками, кто такая?

Владимир посмотрел по сторонам.

– Можно подумать, я здесь всех знаю.

– Не знаешь, да?

– В первый раз вижу.

– Жаль.

– Да, классная тётка.

– А подругу её не знаешь случаем?

– Не-а. Непостоянные клиенты, судя по всему. Не забивай голову, вряд ли ты её ещё увидишь.

– В том-то всё и дело.

Несколько минут они просидели молча, как обычно посматривая по сторонам и попивая пиво.

– Я ща.

Через минуту у них было ещё по пиву.

– Что-то нет сегодня никого.

– Да, хотя не выходные всё-таки.

– Всё равно. Вот Ленка, например, здесь вообще почти каждый день кантуется.

– Ах, ты... – засмеялся Владимир, – Это ты, оказывается, к Ленке пришёл. А меня позвал, чтобы ждть не скучно было?

– Ну не совсем.

– Неужели?

– Подруга у неё есть, хотел вас познакомить.

– Да?

– Изъявила она желание знать тебя.

– С чего это вдруг?

– Видела.

– Ясненько.

Владимир сразу приободрился и теперь уже сидел не с такой кислой миной.

– А с Викой у тебя уже всё, что ли?

– С чего ты взял?

– Ну, так к Ленке пришёл...

– Ну и что? Надоела она просто, а Ленку я уже сто лет не видел.

– Ты ж с ней при мне на прошлой неделе разговаривал.

– Я не о том.

– А-а, – многозначительно протянул Владимир и отпил ещё пива. – И ты думаешь, она прям так сразу...

– А что? Она девка простая; если хочется, то почему бы и нет? А я ей...

Владимир соорудил хитрое лицо.

– Может, она тебя любит?

Андрей засмеялся.

– Сдурел, что ли? Просто нравится ей со мной, видимо.

– Как самокритично.

– Скромность мне друг, но истина дороже.

– Неужели тебе Вики с Наташкой мало?

- Да с Натахой у меня уже почти две недели ничего не было.
- Что же так?
- Слишком много стала на себя брать.
- Да, это плохо.
- Вот именно. Она хоть тоже девка, в принципе-то, без комплексов, но всё равно есть у неё какие-то претензии и гаденькие мысли о всякой там романтике и любви. Практически уже требует, чтобы у меня кроме неё больше никого не было.
- Да?
- Угу. Глупо.
- А ты и сказал бы, что у тебя больше никого нет.
- Да на хрен надо-то? Подумаешь, цаца какая.
- Владимир кивнул, всё-таки на месте Андрея он, скорее всего, думал бы так же.
- Дурью люди маются. Ну, если хочется, чего ломаться-то? Кого ждать?
- Любо-овь, – смешно протянул Владимир, и Андрей снова засмеялся.
- Любо-овь... Кто хоть её видел?
- У меня один друг уже два года...
- Не, ну два года – это ещё ладно. Ну, максимум три-четыре и всё; или привыкнешь, или возненавидишь, поперёк глотки сидеть будет, хотя, конечно, обычно первое. Любовь – это так... Хлеб шоу-бизнеса.
- Жестоко.
- А разве я не прав?
- Не, прав, конечно, прав.
- Вот я; чего уж скромничать, баб у меня было предостаточно, но ни разу я не мучался и не страдал, потому что всегда знал, что бред всё это и...
- Это ты у нас бабник редкостный, а ведь есть люди, которые могут всю жизнь свою единственную или единственного ждать.
- Ну, единственную – это уже патология.
- Владимир почему-то так рассмеялся, что едва не подавился сухариком.
- Понапридумывали сказок... Бабы, да точно так же и мужики, для баб, конечно же, только для того и нужны, чтобы свои потребности физиологические удовлетворять.
- Ну, не одни только физиологические, конечно, моральные тоже.
- Ну да, и моральные.
- Для физиологии даже тебе вполне и одной хватило бы.
- Да, да, ты прав. Конечно нравится, когда их много, когда... – Андрей не находил слов. – Ну, в общем ты понимаешь.
- Понимаю, понимаю.
- Средство...
- А?
- Говорю, любовь – это не более чем очередной миф, вроде Атлантиды или приведений, только более въевшийся. Не верю я в неё.
- Ну и молодец.
- Владимир тоже допил пиво и стал зачем-то пристально смотреть по сторонам.
- Гля, Толян со своей пришёл.
- Где?
- Вон он.
- А-а, с Зойкой.
- Пошли?
- Не, забей, они всё-таки вдвоём пришли.
- Это он с ней, по-моему, уже больше месяца, да?

- Да-а,– Андрей посмотрел им вслед.
- Может он...
- Да ну, ты чё? Толян хоть и алкаш, но с мозгами у него всё в порядке, вроде бы; он в эти глупости тоже не верит.

Прошло что-то около недели.

Ирина прихорашивалась у зеркала, улыбаясь своему отражению. С минуты на минуту должен был прозвенеть звонок на перемену, а потому Ирина торопилась.

Звонок.

Через минуту пришёл Сергей.

- Здравствуй.
  - Привет.
  - Что-то тебя прямо с ходу загрузили.
  - А что поделать?
- Ирина начала рыться в ящиках уже своего стола.
- Что-то ищешь?
  - Волкенштейна. Ты не видел?
  - Нет, не видел.
  - Только вчера ж здесь лежал.
  - А может, он у меня?– Сергей открыл верхний ящик стола.
  - А-а, вот он, я ж его вчера брал. Извини.

Ирина улыбнулась.

– За что?

«Действительно, за что?»

- Ну, просто за то, что я забыл.
- Да ничего страшного.

Снова нависла неприятная тишина.

«Что же сказать?»

- А у тебя сейчас опять пара у электронщиков?
- Ага.
- Не достают?
- Да нет, я их уже поставила на место.
- Ты молодец.

Ирина помечала нужные задачи.

Сергей достал какую-то толстую тетрадь.

– Кстати, у меня тут есть задачи, наиболее ярко отражающие нужную тему. И искать ничего не надо, рекомендую.

– Спасибо, не стоит.

Снова молчание.

«Да о чём же говорить?»

- А ты в каком институте училась?
- В педагогическом.
- А что же там не осталась?
- Хотелось что-нибудь новенького.
- Понимаю.

«И почему я такой стеснительный?»

- А почему ты пошла на физмат? Тебе бы в фотомодели.
- Не льсти мне, ну какая из меня фотомодель?– Ирина надула губки.
- Зря ты так. Такой девушке грех пропадать в каком-то там университете.

– А я не гордая,– Ирина махнула рукой и снова улыбнулась.

– Все мы гордые.

– Не все.

– Главное, что мы хотим в жизни– это проявить себя.

– А я не хочу.

– Это самообман.

– Неправда.

– Как не крути, а мы всё равно по сути своей животные, нами так же правят инстинкты и главный инстинкт животных– инстинкт самосохранения при приобретении сознания и жизни среди огромного количества себе подобных не изменился, а сохранить себя в обществе– значит проявить себя, выделиться.

Ирина облокотилась на стол.

– Но мы же не животные, чтобы нами правили одни инстинкты?

– «Разум лишь орудие», суть психики у нас мало изменилась.

– Ну, тебе лучше знать.

– Все об этом знают, но некоторые не хотят верить или не задумываются.

– Всё-то ты знаешь.

– Далеко не всё.

– Ты это всё сам придумал?

– У меня было много учителей.

– И зачем тебе это?

– Хобби, хотя если ты слушала, что я говорил, ты должна понимать, зачем мне это в действительности.

Ирина улыбнулась и кивнула.

– Понимаю.

«А она не только красива, но и умна».

Сергей даже не хотел замечать, что ничего-то она не поняла.

Ирина убрала локти со стола и облокотилась на спинку стула.

«О, господи...»

– А ты философией не увлекаешься?

Ирина хихикнула.

– Ясно.

– Мне бы что-нибудь попроще, романы там какие-нибудь.

«Она прелесть».

В отличие от Сергея, Ирине этот разговор уже порядком надоел.

– А я не люблю сказки, пусть даже и красивые.

– Каждому своё.

Сергею снова стало неловко за возникшее молчание, и он уж хотел было заговорить на другую тему, но пришёл Андрей.

– Здорово!

– Привет.

– Я не опоздал?

Андрей по-быстрому снял пальто и плюхнулся на стул.

– Ещё семь минут.

– А у тебя что же, часов нет?

– Ирочка, счастливые – часов не наблюдают.

– А ты значит счастливый?

– Я-то? Да-а.

– И в чём же твой секрет?

- Я ставлю перед собой реальные цели.
- Это какие же?
- Не скажу.
- Не скажешь?
- Можешь даже на коленях стоять, всё равно не скажу.

Ирина улыбнулась.

- Не дождёшься.
- Да?
- Да.
- Очень, очень жаль.

Андрей начал складывать в стопку расчётки.

- Готовишься?
- А то!
- И сколько ж у тебя групп?
- Много,– Андрей сделал многострадальное лицо.
- Плохо тебе, да?
- Почему же? Мне замечательно.

Сергей так понял, что ему здесь говорить не о чем и стал что-то искать в тетради, скорее для вида, чем для дела.

- Замечательно?
- Когда рядом ты,– Андрей напустил на себя влюблённый вид,– плохо быть не может.
- Ух ты какой, ну спасибо.
- Пожалуйста, обращайтесь ещё.

Андрей закурил.

- А отчего вы, многоуважаемая Ирина Александровна, не курите?
- Курить– здоровью вредить.
- А-а, это правильно.
- И тебе не советую, вредно же.
- Девяносто процентов вреда– это выдумки.
- А рак?
- Если бы нам говорили, что курение вызывает слепоту, все бы слепли.

Ирина в очередной раз улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой.

«Красота...»

- Отговорки это всё.
- Мы, учёные...

Ирина засмеялась.

- Ничего смешного.
- Тоже мне, учёный!
- Я попросил бы...
- Это ты, значит, умный?
- А то! Умный, красивый... всего и не перечислить.
- От скромности ты не умрёшь.
- Просто я не люблю обманывать людей.
- А я какая?
- Ты у нас вообще красавица!
- А где же умная?
- Я же сказал, я не люблю обманывать.

Ирина засмеялась.

- Всё, я с тобой не дружу.

– Ну ладно, ладно, ты сообразительная.

– И всё?

– Я и так преувеличил, куда уж дальше?

Ирина сделала вид, что обиделась, с трудом сдерживая улыбку.

– Ну ты и...

– Кто?

– Нехороший ты человек.

– Ах!– Андрей схватился за сердце.– Скажи, что это неправда!

– Не скажу.

– Тогда скажи, что правда,– Андрей тоже сделал обиженный вид.

Ирина опять засмеялась.

– Ну, хорошо, неправда.

– То-то же.

– Чего?– возмутилась Ирина.

– Лучше молчи, а то опять какую-нибудь глупость скажешь.

– Ах ты...– Ирина хотела кинуть в него первой попавшейся тетрадью, но передумала.

– Ух, какая ты злая.

– Всё, я с тобой больше не разговариваю,– Ирина хотела обидеться, но у неё не получилось, и вместо этого она снова улыбнулась.

– А ты знаешь, что с обиженными делают?

Ирина демонстративно отвернулась и скрестила руки на груди, от чего все её достоинства стали выглядеть так, что у Андрея едва слюнки не потекли.

Звонок.

– Вперёд!

Они вышли из кабинета.

Андрей закрыл дверь.

– Ну, я пошла, до скорого.

– Удачи,– Андрей звонко шлёпнул её по нижнему бюсту.

– Хам!– Ирина улыбнулась.

– Дико извиняюсь, не смог удержаться.

Они разошлись.

«Мало ли, что я её шлёпнул? Дальше ж этого не зайдёт... Что ж мне теперь не разговаривать с ней, что ли?»

«А я-то что? Дурак».

Сергей поужинал и, не убирая со стола, пошёл отдохнуть после рабочего дня.

Сегодня его грызли одни и те же мысли.

«Она– совершенство. Её глаза, улыбка... способны свести с ума кого угодно. «Последнее искушение Христа», хотя нет, не последнее и не искушение. Не искушение. Просто очень хороший человек или, вернее, очень хорошая девушка...»

Пойти попечатать что ли? Осталась, наверное, какая-нибудь пятая часть. Да, в этом году должен закончить. Вот это будет книга! Там есть всё, вся философия, вся психология, всё проанализировано, это... пойти, правда, что ли, попечатать? Нет, попозже, минут через двадцать, надо же мне хоть немного отдохнуть... А она... Никого похожего не встречал. Знал я, конечно, красавиц, но они и ногтя её не стоят, с нею никто не может сравниться. Ира, Ира, ты сведёшь меня с ума...

Сергей вздохнул и загадочно улыбнулся: «Как бы я хотел...»

Что за мысли? Не влюбился ли я ненароком? Нет, пожалуй, ещё нет, и не влюблюсь, по крайней мере, не должен влюбиться. И вообще, она же мне коллега, нельзя завязывать с

ней никаких отношений. Хотя, как я их «завяжу»? Кто она, и кто я? Я ж только и умею, что брехать о философии или молчать, на большее я не способен, хотя, помнится, в школе... Да-а, было время. Но это было давно, очень давно, после этого я сильно изменился, я поставил себе цель... Да, надо признать, что я ей не подхожу: ни внешности, ни ума, ни денег...

Стоп, хватит себя жалеть, это глупое занятие, не такой уж я урод и дурак, скорее даже, я очень ничего, не могу вот только проявить себя, стесняюсь, боюсь. Да, и как при ней можно чувствовать себя уверенно? Как можно поставить себя выше идеала? Любовь... Причём здесь любовь? Романтик, раз мечтался. Я её не люблю. Да и с чего вдруг, если я знаю её меньше недели? Да, она красива, умна, воспитана, в конце концов, как человек она мне очень нравится... Вернее, даже не совсем как человек, но это принципиально и неважно. Важно. Нет. Да. Всё, тема закрыта, не люблю я её, не люблю. И хватит путать божий дар с яичницей. Расчувствовался, тоже мне...

Телефон.

Сергей протянул руку и, не вставая, снял трубку.

– Алло.

– Здорово, Серёг!

– Привет.

– Что делаешь?

– Печатаю.

– А, ну как обычно.

– А ты, я вижу, уже принял.

– Да, небольшая вечеринка.

– Что звонишь?

– Ты Иркин телефон не знаешь? А то она, зараза этакая, мою тетрадку с задачами утащила, а у меня в понедельник самостоялка у вечерников.

– Нет, не знаю.

– Да? Ну ладно. Тогда пока.

– Пока.

Сергей всё-таки решил немного вздремнуть.

Он достал из шкафа покрывало и завалился на диван.

«Может я и правда вл... Ерунда. Почему? Нет, точно ерунда. – Сергей плотнее закутался покрывалом. – Интересно, сколько у неё пар в понедельник? Завтра я, наверное, не смогу ни о чём думать, кроме как... Вот бы как-нибудь узнать, как Ира относится ко мне. Я ей хоть немного нравлюсь? Вдруг она... – Сергей начинал дремать, и мысли совсем потеряли свою привычную стройность. – А может мне узнать её телефон? Алло...

Нет, не стоит выдавать себя, да и что выдавать? Я же не люблю её... Не люблю, не должен я её любить, а значит не люблю, не люблю...

Такие как я...

Нет, вот это бесполезно...»

– Привет.

– Здорово, коли не шутишь.

– Ирина ещё не пришла? – как бы невзначай спросил Сергей и стал снимать пальто.

– Не пришла.

Сергей причесался и сел за стол.

– Понравилась?

– Кто?

– Она, кто же ещё?

Сергей замаялся.

- Ну, колись.
- Да вроде ничего.
- И только?
- В общем да.
- Ну-ну.
- Сергею эта тема не нравилась.
- Только вот неправильно ты себя ведёшь.
- Почему?
- Ну, вот в субботу что ты ей втирал? Про инстинкты свои дурацкие?
- Они не дурацкие.
- Именно дурацкие. Главный инстинкт– инстинкт продолжения рода и главная цель в жизни– перетрахать всех баб.
- Это всего лишь один из путей, не путай причину и средство.
- Не один это из путей.
- Я уже устал тебе доказывать. Человек бросается под танк, потому что его пушка напоминает фаллос? Если это главный инстинкт, то почему импотенты всё равно к чему-нибудь стремятся? Если это единственный путь, то значит это единственный источник удовольствия, почему тогда если я сжил со свету своего врага, тем более девушку, я счастлив?..
- Ладно, хватит.
- Вот когда ты мне ответишь хотя бы на эти вопросы, тогда эта твоя теория будет иметь право на существование.
- Это не моя теория.
- Я знаю. Даже сам Фрейд к концу жизни, в принципе, ушёл от этого.
- Да хватит, надоел уже.
- Ты сам начал.
- Не о том сейчас речь.
- А о чём же?
- О том, о чём с ними надо говорить.
- Отстань.
- Говорить можно обо всём, только не о её недостатках и не о заумном. С первым у тебя всё в порядке, а вот со вторым...
- Достал ты.
- Ладно, только не надо вдаваться в философию.
- Но ведь философия...
- Я сдаюсь,– поднял руки Андрей,– тебя всё равно не переспоришь.
- А,– Сергей махнул рукой и в очередной раз посмотрел на часы.
- Да куда она денется, придёт.
- Чего?– как бы не понял Сергей.
- Да ничего, ничего,– Андрей улыбнулся.– Честно говоря, я и сам заждался.
- Сергей тоже улыбнулся.
- Они замолчали.
- Через несколько минут пришла Ирина.
- Здравствуйте.
- Здравствуй.
- Привет!
- Ирина сняла плащ и, быстренько поправив причёску, села за стол.
- А мы тут тебя заждались,– Андрей с улыбкой посмотрел на Сергея, который незамедлительно покраснел.
- Да ну?

- Честное слово, вон Серёга подтвердит.
- Сергей покраснел ещё больше.
- Ага.
- Ирина как обычно мило улыбнулась.
- Что-то ты сегодня припозднилась.
- Проспала?
- Будильник не прозвенел, хоть бы позвонил кто.
- Так мы ж твоего телефона не знаем.
- Андрей сдержал смехок.
- Сергей пнул его под столом ногой.
- А вам и не надо.
- Почему?
- Да, почему это такая несправедливость?– Андрей скрестил руки на груди.
- Ирина хихикнула, но ничего не ответила.
- Андрей понял, что ответа он не дожждётся, и решил закурить.
- Нет.
- Что нет?
- Не кури здесь.
- О! Это ещё почему?
- Ира не курит, а пассивное курение не менее вредно.
- Так что же мне, помирать теперь?
- Ирина с улыбкой наблюдала за этой сценой.
- Иди где-нибудь ещё покури.
- Не пойду.
- Имей совесть.
- Да на кой х... мне эта совесть?
- Сергей сделал укоризненное лицо.
- Ой, только не надо вот этого.
- Андрей.
- Ирина засмеялась и закрылась тетрадью.
- Ладно, ухожу я от вас. Прощайте.
- Прощай,– Ирина помахала ручкой.
- Андрей взял зажигалку и вышел.
- Ну, зачем ты его так? Пусть себе курит.
- Надо же хоть какое-то приличие соблюдать.
- Да кому это нужно? Мне всё равно, Андрею всё равно.
- Зато мне не всё равно.
- Почему?
- Сергей знал почему, но решил не говорить этого.
- Потому что я старомоден.
- Это не объяснение,– Ирина махнула рукой.
- Тогда я не могу объяснить.
- Неужели?
- Сергей отвёл взгляд.
- Честное слово.
- Ну, хорошо. Ты странный.
- Ну, спасибо.
- Нет, в смысле необычный.
- Я стараюсь.

– Зачем?– Ирина снова улыбнулась.

Картина повторилась.

– Я старомоден.

– Нет, ты просто необычный.

– Ты тоже... Никого похожего на тебя я ещё не встречал, уж извини за откровенность.

Ирина снова улыбнулась.

– Извиняю. И вообще, можешь говорить обо мне всё, что захочешь, и совсем не обязательно каждый раз при этом извиняться.

– Я не знаю столько комплиментов.

Вернулся Андрей.

– А вот и я.

«Как невовремя».

– А накурился-то.

– Может, ты ещё меня после каждой сигареты зубы чистить заставишь?

– Мальчики, не ссорьтесь.

– Он всё время меня обижает. Ира, скажи ему.

– Нехорошо, Серёжа.

– Это он меня обижает.

– Нет, ты!

– Ты!

Ирина засмеялась.

– Смешные вы.

– А особенно, конечно, я,– загордился Андрей.

– Да уж, особенно ты.

– Спасибо тебе на добром слове.

– Не за что, обращайтесь ещё,– съязвила Ирина.

Ирина хотела начать проверять самостоятельную работу, но, только взяв, сразу же снова отложила листы.

– Не хочу.

– Привыкай, тебе всю жизнь их проверять.

– А может я фотомodelью стану?

– Вряд ли.

– Почему?– возмутилась Ирина.

– Не скажу.

– Значит я не красивая, не умная...?

– Нет, ты умная.

– А в субботу ты говорил...

– Я слегка приуменьшил. Тебя ещё спичками научить чиркать, так тебе вообще цены не будет.

Ирина засмеялась.

– Что же я, собака, что ли?

– Этакая...

– Ну, говори!

– Не скажу. Вот лапу дашь...

– Ах ты подлец.

– Угу.

– Всё, молчи.

– Молчу.

– И молчи!

– И молчу! Всё, надоела ты мне.

– Ах!

– Да, надоела.

– Ах, Андрюшенька...

Сергей переставал что-либо понимать, но вмешиваться смысла не было.

– Молчи, женщина!

– Ну и ладно. Я на тебя обиделась.

– Подумаешь...

Ирина показала язык и, надув губки, замолчала.

«Заигрывает со всеми подряд, – подумал Андрей. – Какая...»

«Неужели она так со всеми заигрывает?» – подумал Сергей и не на шутку расстроился. Прозвенел звонок, и через минуту они разошлись.

Сергей пообедал и завалился на диван.

«Что же это значит? Неужели она заигрывает со всеми подряд? Это несправедливо. Да. «Коренным недостатком женского характера является *несправедливость*». Или это просто соблюдение правил приличия? Правильно. Что же не разговаривать ей с ним теперь? Или, может, это она со мной только соблюдает приличия? Нет! Да... Нет, не может быть. А может для неё это простое ни к чему не обязывающее кокетство? Да, скорее всего, так оно и есть... Но она так мило со мной разговаривает, совсем не так, как с Андреем. Ничего не понимаю. Что же она обо мне думает? Говорит, что я необычный человек, да, я необычный, вот только хорошо ли это? Ира говорит, что хорошо, а там кто его знает. Разве можно верить женщине, а особенно той, которая нравится? Если даже она будет говорить чистую правду, всё равно переиначишь так, как захочешь. Да, нравящаяся женщина не может говорить правду. А она мне нравится. Да, нравится, и хватит отпираться. Она совершенна, она умна, красива, обольстительна... Может я действительно влюбился? Все признаки налицо, вот даже уже и ревновать начал. Неужели правда? Нет... Зачем такие мученья? Не люблю я её, не люблю.

Всё, надо идти работать.

«...вот здесь возникает множество вопросов. По сути, все опровержения бытия-только-для-себя исходят именно из этого звена. Ведь действительно, всё вышеизложенное, все *те* средства и цели по определению коренятся здесь; *здесь* корень всех вопросов. Какими же могут быть эти средства (цели) и...» А вдруг Андрей захочет за ней приударить? Только не это! Да, любимую вещь лучше отдать врагу, чем другу, так, по крайней мере, будет лишний повод ненавидеть...

Что-то я ушёл от темы. «...что они вообще есть? Прежде всего, следует отметить, что в дальнейшем понятие средства будет приниматься только относительно воли к самоутверждению...» Андрей, Андрей, а ведь он может. Не, так Ира с ним не разговаривает... Стоп, – Сергей собрался с мыслями, – «...в то время, как для человека как такового это есть цель, т.е. *средство* самоутверждения есть *цель* человека...» Всё – таки, скорее всего, она просто кокетничает. А чего здесь удивительного? Кокетство – главное оружие женщины и та, которая не умеет им пользоваться, достойна только сожаления. Всё, хватит. Надо писать. А если она... Писать! «Средства эти задаёт разум опираясь как на обстановку и вообще внешние воздействия, так и на психические особенности данной личности...» Личность... Если Андрей начнёт увиваться за Ирой, я его убью. «Здесь следует подробней разобрать процесс возникновения этих средств, отношение к ним, процесс их реализации, отчуждения и уничтожения».

«Возникновение цели...» Жаль, я не знаю её телефона. Ира, неужели я и вправду в тебя влюбился? А тут этот... Сосредоточься. «...как правило, происходит в юношеском возрасте и связано с воспитанием и вообще окружающей обстановкой. Если я люблю...» Чего? Я люблю... Что за бред? – Сергей стёр. – О чём это я? Опять. Не хочу я об этом думать, не хочу. Надо писать,

писать... а перед глазами только лицо Иры... «Если отец у меня— военный и я его уважаю, то я наверняка выберу средством к самоутверждению военную службу и всё с нею связанное; если же я его не уважаю, вряд ли я выберу это средство, или же выберу, но индифферентно ему (как *мне* кажется). Безусловно, выбор и смена цели может происходить вообще в любом возрасте, но об этом чуть позже.

Так же выбор может иметь резкий, взрывной характер. Например, я выбрал военное дело, но на втором курсе сходил в Третьяковскую Галерею и так расчувствовался, что решил: к чёрту эту службу, буду художником. Смена цели нередко бывает связана с разочарованием: в армии одни карьеристы, здесь отвратительно, уйду отсюда... И с нарастающим влиянием параллельного занятия: пока учился, от нечего делать читал философию и так увлёкся, что кроме философа никем больше себя уже не мыслю. Как видно, это всё есть явления вытеснения/замещения, носящие как протяжённый, так и афферентный характер. Часто замещение происходит и в связи с возникновением какого-либо чувства: очень сильно на кого-то разозлился, влюбился, умер значимый для меня человек...»,— Сергей невольно представил себе человека, который для него многое значит.— Ира... Да напишу я сегодня хоть что-нибудь или нет? Ира, что ты со мной делаешь? Всё! «При этом, в результате такого вида замещения, как правило, наблюдаются наиболее сильные психоэмоциональные конфликты...» И этот Андрей ещё на мою голову. Неужели я влюбился? Да, я влюбился, влюбился! Или нет? Не знаю, не знаю! Вот чёрт! Надо собраться с мыслями. «...нередко приводящие к тяжёлым последствиям: депрессия, суицид, помешательство...» Помешательство... Ира... Андрей... Да что же со мной такое творится? Проклятье! Не могу я писать, не могу сосредоточиться. Никаких мыслей нет, только Ира, Ира, Ира... Всё, это бесполезно, пойду, попробую хотя бы почитать.

Сергей вошёл в аспирантскую и сухо поздоровался с Андреем.

Он сел за стол и, достав свою записную книжку, сделал в ней какую-то надпись, потом достал тетрадь с лекциями и начал искать нужную страницу.

Андрей всё это время с удивлением смотрел на него.

— Чего это ты?

— Чего?

— Какой-то ты убитый сегодня.

— Тебе показалось.

— А что ты там написал?

— Да так, кое-какие пометки для книги.

— А-а, всё пишешь.

— Пишу потихоньку.

— Потихоньку не интересно.

— Зато эффективно.

— И не эффективно, делать что-нибудь надо, когда припрёт так, что аж сил нет, а так, размеренно...

— Я бы уже давно всё написал, если бы так много не дорабатывал.

— Всё равно, неправильно ты пишешь, медленно.

— Маркес, например, двенадцать лет одну книжку писал, в лучшие дни по предложению, так что я ещё нормально.

— Такая книжка большая?

— Да нет, довольно-таки маленькая.

— Ну и нечем тут гордиться? Вот Достоевский Карамазовых всего за два года написал, вот это дело.

— Я так не умею.

— А ты старайся. Каждую неделю увеличивай норму на одну страницу.

- Чушь какую-то ты несёшь, норма,— Сергей усмехнулся.
- Вот сколько ты за эту неделю написал?
- Считай, нисколько.
- Что же так?
- Вот так, меньше страницы.
- То-то ты такой расстроенный.
- Да, и поэтому тоже. Самое обидное, что писать хочется, а не могу.
- Как обычно?
- Что, как обычно?
- Сосредоточиться не можешь?
- Ага.
- Соседи замучили?
- Нет, они у меня спокойные.
- Значит, не можешь достичь этого... как его?... внутреннего покоя?
- С чего ты взял?
- Больше ж ничего не остаётся.
- Сергей подумал, что лучше бы он о своём процессе творчества не упоминал.
- Мысли загрызли.
- Мысли?
- Да, мысли.
- Только мысли загрызть не могут, их легко побороть, это значит, дело в чувствах.
- Нет, только мысли,— Сергей не умел врать, и сказал это слишком уверенно, что Андрей, конечно же, заметил
- Нет, не только.
- Только.
- Чувства.
- И какие же?
- Тебе лучше знать,— Андрей поставил себе целью вывести Сергея на чистую воду, и раньше это у него всегда получалось.
- Я просто думаю о...— Сергей не до конца придумал предложение и замялся.
- Об Ирке.
- С чего ты взял?— Сергей усмехнулся и отвёл взгляд.
- «Гля, похоже, и вправду о ней».
- Да, да, да, точно.
- Да нет же!
- Именно об Ирке.
- Нет!
- А я говорю — да.
- Ты не понимаешь...
- Почему же? Я всё понимаю, впрочем, это естественно, я и сам...
- Да не думаю я о ней!
- Андрей засмеялся.
- Нет, не умеешь ты врать.
- Я и не вру.
- И не злись.
- Ты меня задолбал уже этой Иркой.
- Да что здесь такого-то?— никак не понимал Андрей.— Ну, хочешь ты её, ну и что? Я её тоже хочу, и в своих фантазиях я имел её уже далеко не один раз.
- Андрей!

«Вот странный человек. Я хочу, ты хочешь, все хотят, чего тут такого-то?»

– Я вот обычно представляю её в таком чёрном вызывающем вечернем платье, под которым...

Сергей весь сжался, то ли от досады, то ли от злости, а скорее всего – от ревности.

– Если ты сейчас не заткнёшься, я тебе морду набью, обещаю.

Сергей и вправду был готов убить Андрея.

«Что хоть ты? Мы же с тобой неоднократно обсуждали всяких там...»

– Серёг, ты чё? Ну, хочешь ты её, и я хочу, что из этого? Поговорить, что ли, нельзя?

– Ещё хоть слово...

«Ты смотри! Да он меня ревнует! Точно ревнует! И ещё как. Как же я раньше не догадался?»

– Всё, молчу.

Сергей снова принялся за чтение.

– Да ладно тебе, Серёг, не обижайся, ну переборщил чуть-чуть.

– Ну что ты к нам пристал?– Сергей всё ещё злился.– Отцепись.

«Чего? К нам?.. Да он влюбился! Вот чёрт, он влюбился в Ирку!»

– Ещё раз извини.

«Сейчас с ним нельзя говорить, попозже».

Затянулось довольно долгое молчание.

– Пара через сколько?

– Пять минут,– отрезал Сергей.

Андрей закурил.

«Да. Он влюблён в неё по уши. Серёга влюбился, влюбился, влюбился! Вот это новость. А может... Не-ет, точно влюбился, все признаки налицо. Несчастный Серёга...»

Сергей, накупившись, читал лекцию.

«А я тут дурак с ней заигрываю, как хоть он только терпит? Мне поиграться, а он её любит, по-настоящему любит».

Андрей потушил сигарету и поправил свитер.

«Девушки друзей– это святое. Всё, теперь надо держать себя в руках, а то он меня ещё прибьёт ненароком».

Сергей заговорил. Голос его был такой же, как и всегда.

– Пошли, звонок уже должен был быть.

– Пошли.

«Эх Серёга... Нет, всё, я умываю руки».

У Андрея как камень с души упал. Наконец-то отпал вопрос «иметь или не иметь?», да и за Сергея он был доволен.

В отличие от Сергея, Андрей пошёл на пару в приподнятом настроении.

Сергей загрузил нужный файл. На экране появился знакомый текст.

Так, так, так. Про цели надо бы дописать. Третий день уже не могу закончить. Итак. «Следует отметить, что для каждого его цель– самая лучшая, самая необычная, самая многообещающая...» Нет, не то, лучше так. «Следует отметить, что для каждого его цель– самая лучшая, самая необычная, самая многообещающая...» Андрей, сволочь. «Никто, если уж он выбрал свою цель и идёт к ней, не скажет, что его цель– это так... баловство; моё средство– лучшее...» Ну Андрей достал, как хоть... Стоп. «...средство в мире» Нет, гадость. Да что ж такое? Опять мысль не идёт. Ладно, потом подправлю. «Я хочу стать военным, что может быть благородней? Я хочу быть учёным, что может быть труднее? Я хочу быть художником, что может быть прекрасней? Или даже...» Ну Андрей, когда-нибудь я точно тебя... Да допишу я или нет? «...банальное: я хочу заработать побольше денег, что может быть очевидней? И каж-

дый превозносит именно своё средство и...» А если он и Ире обо мне что-нибудь там наговорил? Нет, вряд ли, не такая уж он сволочь. У него хоть и злые шутки, но всё равно это только шутки, плохого он никогда... Проклятье, опять отвлёкся. «...чем больше он его превозносит, тем больше людей выберут себе именно это средство. Например, почему сейчас в мире существует едва ли не культ секса? Потому что по телевидению, в фильмах, в книгах, трубят и трубят, что секс— это замечательно, это естественно, это круто...» Дурак он. Я бы никогда... Опять. «Вот и становятся...» Ира, ну почему у тебя сегодня выходной? И завтра я тебя увижу только на одной перемене. Если бы ты только знала, как я люблю тебя... Нет, так дело не пойдёт. Надо сосредоточиться, сосредоточиться. «...все «озабоченными», выбирая себе под этим давлением именно это средство (особенно это касается молодёжи; с возрастом это, конечно, проходит). Порою из таких вот частных строят...» А вдруг Андрей расскажет Ире о сегодняшнем? Тогда я его точно убью, из самых гуманных соображений убью. Из любви к Ире я готов на всё, и бог меня поймёт, все поймут. Любовь— единственное прекрасное, что есть в человеке и ради неё... Не могу я больше! Надо писать, писать... «...целые системы. Власть («воля к власти») — *вид*, одно из средств самоутверждения; секс— тоже *вид* самоутверждения; весь «абсурд» из-за того, что самоутвердиться не получается и т.д. Т.е., как видно, источник всё равно один, просто некоторые за очень большими деревьями не в силах увидеть леса. У многих, конечно же, возникнет...»

Да, я влюбился. Я не смогу без неё; без её улыбки, без её запаха, без её... А может Андрей тоже?... А вдруг? Тогда всё, конец всему. Против него я ничто, и самое страшное, что я это отчётливо понимаю. Хотя нет, вряд ли. Он сам говорил, что совсем не хочет за ней увиваться. Но тем не менее... Всё может быть, да и... Да буду я писать или нет? «...вопрос: «*Всё* средства? А как же великая сила искусства? Почему молодёжь помешана на любви? Как же...» Ира, я люблю тебя. Даже не знаю, как описать это чувство, это нечто... Даже не знаю, как сказать. Я люблю и всё, люблю... Ира, если бы только знала... Знала. Вот Андрей теперь, скорее всего, знает, ну если он будет доставать меня по этому поводу! Он у меня тогда... Такого я ему не прощу. Хоть это и нехорошо, но любовь того стоит, это одно из тех немногих чувств... О-ой. Не отвлекаться, соберись. «Как же...» О чём это я? Хм... Ладно, потом разберусь. «Но всё это...» Ирочка... Какое это всё-таки прекрасное и возвышенное чувство— любовь, как это прекрасно— любить. Вот только Андрей, сволочь... Всё, хватит. Чуть-чуть осталось, совсем немного. «Всё это...» Что, «это»? Да ё-моё! Никаких мыслей, даже... Только Ира, Ира, Ира... Ах Ирочка, мне достаточно только одного твоего взгляда, одной твоей улыбки... Ну почему я так редко тебя вижу? Мне кажется, я и недели без тебя не проживу. Я люблю тебя и это... Это невозможно выдержать. Опять ни черта не могу написать! Что же я... А как она вчера... Проклятье! Нет, не могу я сейчас писать, да и вообще не сегодня. Завтра... в другой раз... когда-нибудь... Никаких сил нет».

Сергей с досадой выключил компьютер и лёг на диван.

Наконец появилась Ирина.

Сергей специально пришёл на десять минут раньше, чтобы не упустить её.

Сейчас он сидел за столом и старался делать вид, что её появление его мало волнует.

— Всем привет.

— Здравствуй.

— Здорово.

Ирина сняла пальто и, секунду посмотрев на себя в зеркало, села за стол, достав из пакета кучу расчётно-графических работ.

— Проверила?— невозмутимый вид у Сергея получался с трудом.

— А как же? Почти всю ночь проверяла, спать хочу, просто ужас.

— Ты бы лучше днём лишнюю минутку нашла.

- Некогда, дела.
- Какие же дела могут быть днём?– вставил Андрей
- Готовка, уборка...
- «Она восхитительна».
- Понимаю.
- Полдня только на еду тратишь.
- Любишь хорошо поесть?
- Ещё как.
- А по твоей фигуре не скажешь.
- Мне просто повезло.
- Сергей больше не знал, что ещё сказать, а потому счёл за лучшее замолчать.
- А что это ты сегодня такой молчаливый?– обратилась Ирина к Андрею.
- Просто так.
- Просто так даже мухи не женятся.
- А я всё равно просто так.
- Проблемы?
- Ни в коем случае.
- Тогда не понимаю, объясняй.
- Объяснять? А зачем тебе понимать?
- Хочу.
- Меньше знаешь, лучше спишь.
- Ух ты, какой.
- Не в настроении я сегодня.
- Ты и не в настроении?– Ирина недоверчиво посмотрела на него.
- Имею право.
- Имеешь, все имеют,– согласилась Ирина.
- Только не каждый может этим воспользоваться,– Сергей всё-таки решил не молчать как рыба.
- Почему же?
- Мы слишком зависим от общественного мнения. Не хватает нам характера для такого противостояния.
- Неправда, люди, конечно, влияют, но решаю-то я, а не кто-нибудь там.
- Но решаешь-то под действием других. «Иметь собственное настроение– это привилегия крупных зверей», а где сейчас таких встретишь?
- То есть, по-твоему, на наши действия больше влияют окружающие, нежели мы сами?
- Совершенно верно. По крайней мере, стимул всегда приходит извне. Мы можем этот стимул даже и не очень-то почувствовать, не придать ему значения, но он определит все наши дальнейшие действия.
- И что же это может быть за стимул?
- Любая интонация, любое слово, всё что угодно. Мелочь, а у нас потом вся жизнь может пойти по-другому.
- Не, глупости. Общественное мнение достаточно сильно может влиять только на поверхностное поведение и внешний вид, не более того.
- Ты недооцениваешь массовость и самовнушение.
- «Серёг, ну не об этом надо говорить».
- Внешний вид и настроение, в большее я не верю.
- Как знаешь. Кстати, о внешнем виде, у тебя волос.
- Где?
- Вон там.

«Ну ё-моё! Ты ещё родинки там покажи, что ж ты...»

– Спасибо.

Сергей не понял, что это была издевательская улыбка, а потому никаких выводов для себя не сделал.

Ирина убрала волос и остановила взгляд на Андрее, который, сам не зная почему, пристально следил за всем этим процессом.

– Чего?

– А?

Ирина засмеялась

– Да ничего, ничего.

– Я просто задумался.

«Вот чёрт!»

– А я-то уж думала...

– Не то ты думала.

Сергей не понимал, о чём вообще речь, а потому скромно молчал.

– А откуда ты знаешь, что я подумала?– Ирина ехидненько улыбнулась.

– Я не знаю, но всё равно не то.

Ирина почему-то засмеялась.

– Ну ладно.

«Да что ж ты ко мне привязалась?»

«Как-то странно она с ним разговаривает, неужели она и с ним заигрывает? Нет, не может быть. Она же всегда так мило со мной разговаривает...»

Они замолчали.

Сергей перебирал бумаги и иногда косо поглядывал на Ирину.

«Как же я тебя люблю. Не может быть, чтобы она...»

Ирина молча проверила расчётки.

Андрей просто думал.

«Вот зараза, поиграть со мной захотела. А может... Нет, я друзей не предаю. Я всё, я пас».

Через несколько минут прозвенел звонок, и они молча разошлись по университету.

– Ген, пивка, что ли, притащи.

– А ты уверен?

– Угу.

– Иди, иди,– поддакнул Владимир.

Геннадий нехотя пошёл за пивом.

– Что это ты такой весёлый сегодня?

– Как обычно.

– Да ладно, сидишь, сам себе смеёшься.

– Экий ты наблюдательный-то.

– А то.

Геннадий вернулся и плюхнулся на стул.

– Ща принесут,– он закурил.– Эх, сейчас бы...

– Тихо, тихо, сейчас Андрюха будет нам интересную историю рассказывать.

– Да?– удивился Андрей.

– Давай, давай.

– Да не буду я ничего рассказывать.

– А-а, улыбаешься, глаза прячешь, колись.

Андрей засмеялся.

– Да вы не поймёте.

- Да ладно, ломаешься, как красна девка.
- Андрей вздохнул. С одной стороны нехорошо, конечно, но поделиться ой как хотелось.
- Ну, хорошо.
- Та-ак, начало неплохое.
- Ген, не перебивай.
- Молчу, молчу.
- Ну и?
- Вы Серёгу знаете?
- Бурова?
- Нет, который со мной работает.
- Да ну, откуда?
- Слыхали, ты рассказывал.
- Да, да, точно.
- Так вот, Серёга, по-моему, влюбился.
- Несколько секунд они молчали.
- Не понял, и всё?
- Ну и что?
- Как «что»?
- А нам то какая разница?
- Я же говорю, вы не поймёте; вы его просто не знаете.
- Не, ну я представляю.
- Да ничего ты не представляешь.
- И в кого же он влюбился?– решил развить тему Владимир.
- Тоже со мной работает, пару недель назад пришла, только что из аспирантуры.
- Как звать?
- Ирка. Ух, хороша девка,– Андрей прицокнул языком.– Такая вся...
- А ты её...
- Да упаси господи, чтобы на работе и... Каждый день видеть, каждую минуту играть свою роль...
- И то верно.
- О, пивоко.
- Пиво было подано, пепельница сменена.
- Спасибо, родная.
- Официантка к такому обращению, видимо, привыкла, поэтому никак не отреагировала.
- Невесёлая какая-то.
- Да её такие как ты...
- А вообще она тебе как?
- Андрей посмотрел вслед официантке.
- В принципе...
- Да не она, эта, как её? Ирка.
- Она? При других обстоятельствах я бы её, конечно...
- Ещё бы.
- И знаете, что самое смешное?
- Что?
- Андрей сделал паузу и отпил пива.
- Она ко мне клеится.
- Ой, ой, ой.
- Не, правда.
- Неужели?

- Да честное слово.
- Допустим.
- Ну и что ты тогда? Как маленький.
- Да, трахни её.
- Не хочу.
- Врёшь.
- Вру.
- Что-то я тогда не понимаю...
- Аль недостаточно хороша?
- Хороша.
- Аль глупа?
- Отнюдь.
- Прямо идеал какой-то.
- Вроде того, но...

Андрей развёл руками, однако ни Владимир, ни Геннадий этого жеста не поняли.

- Что?
- Серёга.
- А что Серёга?
- Ну, ты что, совсем дурак что ли?
- Да?

Все засмеялись, всё-таки умел Геннадий играть интонациями.

– Я же говорю, Серёга к ней явно равнодушен, ну не могу же я так, ради какого-то одного траха предать его? Я ж его с первого курса института знаю.

- Да, верно.
  - Угу, кидать друга из-за какой-то там... Это, конечно, не дело.
  - Так что, ничего у меня с ней быть не может.
  - Ну и ладно, невелика потеря, правда же?
  - Точно, точно.
  - Кстати, припёрлись.
- К столу направлялись несколько девушек приятной наружности.
- Где? А-а...

- Что хоть ты такой убитый? Второй день уже...
  - Погода плохая, – вздохнул Сергей.
- Погода действительно была скверная.
- Но это не повод для того, что пять минут смотреть в одну точку.
  - Значит, просто хреново.
  - Очередной депрессняк?
  - Наверное.
  - Вот так внезапно?
  - А почему бы и нет?
  - Ну ладно, ладно, депрессия, так депрессия.
- Минута молчания.
- Нет, не депрессия.
- Андрей улыбнулся.
- И как же ты это понял?
  - Просто плохое настроение, плохие мысли.
  - И какие же, если не секрет?
- «Наверное, об Ире».

«Об Ире».

– Не знаю, лезет всякая гадость в голову.

«Да, Ира вчера вела себя нехорошо».

«Не могу понять, заигрывает она с ним или нет?»

– Так что же это за гадость?– не унимался Андрей.

– Гадостная.

– Ясно.

Андрей, наконец, отстал.

Сергей украдкой посматривал на него.

«Что же ты от неё хочешь? Неужели ты тоже? Нет... Или, может, всё-таки да? Надо спросить, не могу я больше. Все выходные только об этом и думал, так и чокнуться можно. Пусть будет, что будет».

– Андрей.

– А?

«Нет, что он обо мне подумает? Опять издеваться начнёт, Ире ещё всё расскажет».

– Нет, ничего.

– Угу.

«Хотя нет, это уже не игрушки, издеваться он не будет. Да и не такая уж он и сволочь, чтобы всё Ире рассказать».

– Андрей.

– Да чего?

«Может, всё-таки не надо? Нет, надо, иначе я просто с ума сойду».

– Я хотел спросить...

– Спрашивай.

– Ты...

– Ну?

«А, была – не была!»

– Как ты относишься... к Ире?

Андрей удивлённо поднял брови.

– А что?

– Ну, ответь.

– Нормально; очень даже неплохой человек.

– Я не в этом смысле.

– А в каком?

– Ну-у...

– Нет, никаких видов я на неё не имею. Делай, что хочешь, на счёт меня можешь не беспокоиться.

Сергей смутился.

– Что ты имеешь в виду?

– Да ладно тебе, мы оба знаем, что я имею в виду.

Сергей слегка покраснел.

«Неужели он догадался?»

– За километр же видно, что ты в неё влюбился.

Сергей засмутился ещё больше.

– Кто тебе сказал?

Андрей засмеялся.

– Ванька Ветров! А то я слепой, ты же втюрился в неё по уши.

– Я не...

– Да ладно, не отпирайся, это же ясно, как божий день.

Сергей смирился.

– Я...

– Да и чего здесь такого? Ну, влюбился, с каждым бывает, почти. Если бы я верил в любовь, я бы, наверное, тоже в кого-нибудь влюбился.

– Да?

– Истинно говорю. Кстати, поздравляю.

– С чем?

– Как с чем? С любовью.

– Угу, лучше бы сочувствовал.

– Что это ты так заговорил?

– А что?

– Раньше ты говорил, что это прекраснейшее из всех чувств.

– Настроение плохое.

– Я же сказал, что на Иру никаких видов не имею, и иметь не буду. Это я обещаю.

– Спасибо, полегчало.

– Что-то не слышу радости.

– Боюсь я.

– Чего?

– Жизни.

– То есть?

– Она птица высокого полёта, а я так... червячок... немой.

– Глупости.

– Почему?

– Да, она женщина опытная и со вкусом, но и ты не Квзимодо. Главное – уверенность.

– Да где ж её взять-то?

– Из глубин подсознания.

– Боюсь, не докопаюсь.

– А ты постарайся.

– Не могу.

– А ты через «не могу».

– Не верю я в себя, понимаешь?

– Да будет она твоей, не бойсь.

– Мне бы твою уверенность.

– Верь в себя! Ты же не урод? Не урод. И не дурак. Так что же ещё надо?

– Умение.

– Это дело наживное.

– Вот не нажил я его.

– Да, вот это действительно проблема.

– Вот именно.

– Ну да ничего, любовь же все преграды преодолевает, так ведь?

– Вроде того.

– А чего ты тогда боишься? Если она примет твою любовь – она будет твоей; если не примет – значит она стерва, а зачем тебе стерва?

– Да, может быть, ты прав.

– Я всегда прав.

Андрей закурил.

– Сколько до конца перемены?

– Почти двадцать минут. Кстати, пойду-ка я, наверное, перекушу.

– Иди.

– Тебе принести чего?

– Не, не хочу.

– Как знаешь, я пошёл.

– Угу.

Сергей достал из пальто деньги и вышел.

Андрей остался один.

«Любовь... Это же надо, Серёга влюбился в Ирку! Кто бы мог подумать? Действительно, радоваться за него или посочувствовать? Ну да ничего, он же её любит, а любви подвластно всё, вроде бы. Интересно, а Ирка догадывается?..»

Как раз пришла Ирина.

– Привет.

– Здорово.

– Ну и погодка.

– Угу.

– До нитки промокла.

– Бывает.

Андрей немедленно сделал вид, что он разбирается в лабораторных работах.

– У меня причёска нормальная?

– Нормальная.

Ирина села за стол.

Она украдкой улыбнулась и начала что-то искать.

– Ты такой небольшой листок не видел?

– Небольшой?

– Да.

– Исписанный?

– Да.

– Нет, не видел.

Ирина улыбнулась.

«Только не начинай...»

– А где же он тогда?

– Не знаю.

– Посмотри у себя на столе.

– Да нет его там.

– Так ты ж даже не смотрел.

– Ну, неужели я не знаю, что у меня на столе?

– Ладно, я сам посмотрю.

Ирина быстренько, чтобы Андрей не успел возразить, подошла к столу и, низко склонившись, стала рыться в ворохе бумаг, сложенном на нём.

«Вот это... Не надо»

«Та-ак».

Ирина на секунду протянула руку на другой край стола.

«О Господи...»

– Странно, нет.

«Ах ты... Главное держать себя в руках».

Ирина выпрямилась и упёрла руки в бока.

– А где же тогда он?

Ирина думала.

Андрей всеми силами старался не отводить глаз от лабораторных, но Ирина стояла менее чем в полуметре от него.

«Ну и кто ты после этого? Ты же наверняка видишь, что Серёга к тебе равнодушен, и при этом ты... Да уйди ты наконец...»

– А, вот она!

Ирина нагнулась и протянула руку за какой-то бумажкой, почти завалившись на стол.

«О-о... Вот чёрт! Я бы её, конечно... Ну ты и...»

– Ты меня придавишь.

Ирина выпрямилась.

– Ой, какие мы нежные, – улыбнулась она.

Пришёл Сергей.

Картина ему не очень понравилась, но, в принципе, в ней не было ничего особенного, а потому повода для расстройства или негодования не намечалось.

– Привет.

– Привет.

– А ты такую маленькую исписанную бумажку не видел?

– А вот, у тебя в руках.

– Да это не она.

– Нет, не видел.

– Ну ладно, потом найду.

Ирина вернулась на своё место.

«Она так стояла перед ним, улыбалась... Неужели и ты, Андрей? А ты, Ира? Ты же наверняка видишь, что я люблю тебя, как ты?.. Как вы?..»

Андрей так и не отводил глаз от лабораторных работ.

«Ещё на меня подумает. Серёг, я же обещал, а если я обещал...»

– Сколько до пары?

Сергей медленно посмотрел на часы.

– Шесть минут.

«Эх, Серёг, и в кого ты влюбился? Н-да, любовь может жить только за счёт своей слепоты».

Ирина достала Волькенштейна.

– Ну, всё, я пошла.

– Рано.

– У меня в лабораторном корпусе, пока дойду...

– А-а.

Андрей тоже встал.

– Я тоже пошёл.

Андрей стал медленно собирать нужные бумаги, лишь бы Ирина успела подальше отойти.

Ирина вышла, Андрей следом.

Сергей потёр глаза и, вздохнув, тоже пошёл на пару.

Сергей разулся и, не переодевшись, лёг на диван.

«Неужели? Не хочу в это верить, не могу. Не может этого быть! Андрей, Ира... Андрей, как ты мог? Ты же обещал. Хотя, кто перед ней устоит? Кто посмеет не покориться богине? Да и причём здесь Андрей? Не он же перед ней... Нет! Это всё Андрей. Всё он. Не Ира же хочет его соблазнить? Это же... Хотя, почему нет? Она имеет на это полное право. Ира... Зачем я ей нужен?»

Ну что я раздул из мухи слона? Ну, искала она свою бумажку, на секунду остановилась... Ничего же особенного не произошло. Но как она смотрела, как стояла... Да кого я обманываю? Ира, Ира, но почему? Что почему? На кой я ей сдался? Всё правильно, это я, это она. А Андрей здесь не при чём, всё она... ангел, дьявол... Кому я нужен? Это Андрей умеет обходиться с

женщинами, а я? Заучка, никому не нужный философ, да и вообще философ ли? Я никто. Я не нужен даже самому себе, какая тут может идти речь об Ире? Ничтожество, труп, ничто, а кому нужен труп? Ни-ко-му.

Жизнь... Ну почему ты такая дрянь? Почему ты на зло отвечаешь тем же, а на добро опять же злом? Ненавижу тебя, ненавижу...

Ну что за мысли? Что же это такое? Может это просто депрессия? Обычная, банальная хандра, поэтому мне любая мелочь кажется такой... Это не мелочь. И хватит отмахиваться от правды, надо смотреть жизни в лицо. Но как всё-таки приятно себя обманывать! Как хочется верить в обман! И ведь верю, постоянно, беспрекословно верю. Жизнь— один сплошной обман, ибо в жизни нет ни секунды, когда бы меня хоть чуть-чуть не обманывали. Смерть— антипод жизни, значит смерть— это истина. Как можно найти смысл жизни в жизни, если она сплошной обман? Ищем истину, ищем, а она вот, достаточно легонько нажать на курок. Истина в смерти, а смысл— это истина, значит смысл жизни— смерть. Как всё просто! Мы живём ради того, чтобы умереть. Все хотят найти смысл жизни, познать истину, но почему же тогда мы так боимся смерти? Да, смерть — это страшно, но любая истина страшна в своей сути, ибо неведомое всегда пугает, а главная истина и должна быть самой страшной. Всё правильно.

Так что же я тогда затягиваю с этим постижением истины? Прав был Достоевский, говоря, что Богом стать просто, вот только кто на это способен? Проклятый инстинкт самосохранения. Даже Иисус не смог спокойно принять смерть, он *не смог* стать Богом, и почему мы ему молимся? Всё обман, один сплошной обман. Обманом меньше, обманом больше, кому какая разница? Ну, Ира, ну Андрей, да наплевать, не было этого и всё тут; плохое настроение плюс преувеличение. Мелочи. Да, ме-ло-чи. Смешно... Дурак.

Может отвлечься, попечатать чего? Нет, не могу. Потом, завтра... Не могу я сейчас думать. Не могу.

Ах, Ира...»

Сергей поджал колени и закрыл глаза.

Прошло почти две недели.

Мало что изменилось за это время. Сергей так же украдкой любил Ирину, причём всё больше и больше; Ирина, в принципе, вела себя так же, как и всегда, постоянно смущая Андрея, который всеми силами этому сопротивлялся, ища моральной и физической поддержки у всех бывших и не бывших подруг.

Этот день мало чем отличался от остальных, разве что Ирина пришла немного раньше обычного.

Чуть позже пришёл Андрей.

— Привет.

— Здорово.

«Вот чёрт, а Серёга только к следующей паре придёт».

— Что-то последнее время стал приходить под самый звонок.

— Дела.

— Какие?

— Дельные.

— Да?

— Воистину.

Андрей сел за стол, достал методичку №203 и, где-то открыв, принялся увлечённо читать. До звонка оставалось несколько минут.

Ирина как бы между делом, но при этом очень выразительно, положила ногу на ногу.

— У тебя сейчас лабы по электростатике?

— Нет, магнетизм.

– А что же ты тогда эту методичку читаешь?

Андрей слегка смутился.

– Это я в общеобразовательных целях.

– Какой молодец.

– Угу.

«Да когда ж ты отстанешь?»

Ирина начала играть ручкой, что в некоторой степени насторожило Андрея, так как в последнее время он в каждом жесте Ирины видел какой-то намёк.

– У тебя сегодня две пары?

– Ага.

– Везёт, – эффектно вздохнула Ирина.

– Ага.

«Нет, она конечно... Я бы... Да, надо признать, что... Эх, Серёга».

Ирина уронила ручку.

В принципе, Андрей приблизительно этого и ожидал. Он нагнулся и, молча подняв ручку, протянул её Ирине.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Не за что.

Андрей снова принялся за чтение.

Наконец прозвенел звонок.

Андрей не находил себе места.

«Да что ж это такое? Вот достала-то, ужас. Так... С ума сойти можно, такая... Да, она одна из лучших девушек, что я когда-либо видел. Да что там, одна из лучших, она лучшая. Что это я? Хотя... Что же я, теперь и подумать не имею права? Действий-то никаких за этим не последует, так что моя совесть чиста. Как говорится, мечтать не вредно. Так что, Серёг, бояться нечего, всё под контролем. Вроде бы.

Не, какая ж она всё-таки стерва! Такой стервозный характер и такое ангельское личико, ну как тут можно... Можно! Если я обещал, значит, всё, беспокоиться не о чем. Да уж, зараза она ещё та, но ведь это самое замечательное! Ничего похожего не встречал. Она женственна до крайности, женственнее быть просто уже нельзя. Да, она *женщина*, и она это отлично знает и умеет этим пользоваться. Да, таких мало где встретишь. И это-то меня и убивает! Что уж кривить душой, она меня сводит с ума. Она так засела в моём несчастном мозгу, что я уже и не знаю, как её оттуда вытравить. Вот уж борьба... Интересно, кто быстрее? Я сдамся, или она отступит? Твою мать! Мы же хотим одного и того же. Только Серёга... Нет, об этом даже и не думай; это предательство чистой воды, а я друзей не предаю.

Но Ира... Умеет же зараза преподнести себя! И вроде уже начинает надоедать, иногда даже раздражает, но... Против этого нельзя устоять. Если даже я понимаю, что это уже избито, надоело, нельзя... Всё равно, инстинкты выше разума, от этого никуда не деться. Вот умеет же! Как-то ненавязчиво, спонтанно... Но это так...

Да, Ира мне определённо нравится. Она идеал, по крайней мере, для меня, а какой дурак не стремится к идеалу? Но идеал опасен, ещё как опасен! Но: «Мужчина любит две вещи: игру и опасность; и женщин он любит, как самые опасные игрушки». А кто может быть опасней Иры? Какое создание может быть опасней *женщины*?

Женщины... А ведь послезавтра восьмое марта! Подарить ей, что ли, что-нибудь? Может... Стоп, стоп, стоп, что это я? Как я могу подарить? А Серёга? Это он должен дарить. Интересно, догадается он или нет? Он? Вряд ли. А ведь он её любит... Надо ему позвонить, сказать, чтобы подарок сделал. В конце концов, к нему она относится в принципе нормально,

глазки при нём особо не строит, разговаривает доброжелательно, да и он не такой уж никудышный человечек. У них ещё всё может быть. Да, надо ему позвонить».

Андрей встал и подошёл к телефону.

Довольно долго трубку никто не брал, но, наконец, на третьем, четвёртом гудке послышался грустный голос Сергея.

– Алло.

– Привет ещё раз.

– Привет.

– Что грустный такой?

– А то ты не знаешь.

– Да, понимаю.

– Не понимаешь, она только на тебя и смотрит.

– Да ладно тебе, не преувеличивай, к тебе она относится не хуже.

– Ну-ну.

– Так что не всё так плохо, как тебе кажется, уж поверь мне.

– Хотелось бы.

– Ты, главное, не раскисай.

– Ладно, чего звонишь-то?

– Восьмое ж марта на днях.

– Я в курсе.

– Ну, так вот, ты ей должен подарить...

– А ты?

– А я не буду, пусть будет считать меня сволочью.

– Андрей, не стоит...

– Стоит, стоит, ты слушай сюда. Подаришь её что-нибудь скромненькое, но со вкусом, ясно?

– Нет.

– Что не ясно?

– Я не умею выбирать подарки.

– Подари тогда цветы. Банально, но эффективно.

– Ты думаешь?

– Я уверен.

– Ну, хорошо.

– Такой шанс бывает только раз в году, не упusti его.

– Постараюсь.

– Тогда всё, до скорого.

– Ага, пока.

Сергей положил трубку.

«Серёга, Серёга... Нашёл любовь на свою голову. Это ж надо, влюбиться в Ирку! Э-эх. Интересно, а если бы я верил в любовь, я бы в неё влюбился? Хотя, какой смысл об этом думать, если я не верю? Но я бы её, конечно... Вот Серёга! Стоп! Всё, хватит предаваться мечтаньям, нужно и о нём подумать. Он же, бедный, недели уж три по ней сохнет. Тоже странный человек, ну не даётся, так брось ты это дело! Всё, нет её, возненавидь, в конце концов, тем более, что есть за что. Нет, он будет ходить, смотреть на неё влюблёнными глазами, не спать по ночам, а смысл? Да, надо ему помочь, а то, того гляди, из окна выбросится, дурачок. Бывает же...»

Сергей зашёл в аспирантскую с огромным букетом роз.

– Ух ты!

– Ну как тебе?

- То, что надо.
- Ты думаешь?
- Я не думаю, я уверен.
- Всё нормально?
- Да нормально, нормально. Теперь всё, она твоя.
- Угу.
- Сергей снял пальто и причесался.
- Она же должна подойти к этой паре?
- А то сам не знаешь.
- Я уточнить.
- К этой.
- Ты, кстати, цветы спрячь пока.
- Куда?
- Ну, под стол, что ли.
- Сергей кивнул и положил цветы на стул.
- Минута тишины.
- Не забудь пригласить её куда-нибудь.
- Не забуду.
- Главное, спроси об этом как бы между делом, а лучше, если она сама скажет хоть что-нибудь на эту тему.
- Ясно.
- Деньги-то есть?
- Есть маленько.
- Надеюсь с собой?
- Нет, зачем?
- Во, ты даёшь! Вдруг у неё вечером дела какие-нибудь, и она согласится только на обед, а у тебя денег нет.
- Да, я об этом не подумал.
- А надо было.
- Надо.
- Сергей явно нервничал.
- Ну что ты как на иголках? Успокойся.
- Я и так спокоен.
- Не обманывай.
- Если только совсем чуть-чуть.
- Делай всё непринуждённо, как будто так и надо; ничего особенного.
- Почему?
- Она должна думать, что это естественно.
- Наоборот, надо подчеркнуть, что это всё не просто так.
- Ничего ты не понимаешь. Естественность ни к чему не обязывает, в отличие от всяких там «подчёркиваний», а кому охота быть обязанным?
- Да, может быть, ты и прав.
- Не может быть, а точно.
- Ладно.
- Они некоторое время сидели молча.
- Ну, всё, я пошёл.
- Как? Куда?
- Какая разница? Не буду же я здесь сидеть.
- А-а, ну тогда иди.

Андрей взял сигареты и, подмигнув, вышел.

Сергей сидел недолго; через несколько минут пришла Ирина.

– Привет.

– Привет.

Ирина как обычно поправила волосы и, сев за стол, стала выкладывать из пакета какие-то бумаги.

«Да зачем я ей... Всё, отступать поздно. Надо решаться. Уф...»

Сергей встал и молча, совершенно непринуждённо, достал цветы из-под стола, протянул их Ирине.

Ирина улыбнулась.

– Это мне?– еле слышно прошептала она.

– Я тут вспомнил, что восьмое марта грядёт, и вот решил немного тебя поздравить.

Ирина встала и взяла цветы.

– Спасибо.

– Да не за что.

Ирина закрыла глаза и вдохнула аромат букета.

– Ещё раз спасибо, не ожидала,– она засмеялась.– Вот это сюрприз. Кроме тебя меня ж никто даже по телефону не поздравил.

– Как же так?

– Вот такие у меня друзья. Ни поздравить, ни пригласить...

– Я тебя приглашаю.

– Ты?

– А что я, хуже других, что ли?

– Нет, не хуже,– Ирина кокетливо улыбнулась.

– Ну, так что?

– Вообще-то я уже договорилась с Юлей, с подругой, так что...

– А-а.

– Но ты действительно единственный мужчина, который меня хоть куда-то пригласил.

– Я рад.

– Ты не расстраиваешься?

– Да ничего страшного.

– В другой раз, хорошо?

– Ловлю тебя на слове.

Сергей наконец-то вернулся за стол.

Ирина положила цветы на соседний стул и повернулась к Сергею.

– Ты как из позапрошлого века, честное слово.

– Это хорошо или плохо?

– Это, как минимум, необычно, что уже хорошо.

– Спасибо на добром слове. Ты...

Вошёл Андрей, решив, что отпущенного времени было вполне достаточно.

– Здорово.

– Привет,– Ирина сказала это не то что нейтрально, а даже как-то с неприязнью.

Сергей это заметил.

«Неужели?...»

Андрей вольготно развалился на стуле.

– О-о, ты, Серёг?

– Угу.

Андрей покачал головой.

– Круто. Кстати, с наступающим тебя.

– Спасибо,– Ирине сегодня явно не хотелось с ним разговаривать.

– Серёг, через сколько там звонок?

– Три минуты.

– Всё, я собираюсь.

– Я тоже.

Сергей и Андрей стали искать нужные тетради.

– Да где же она?

– А ты такую синюю не видел?

– Ах вот...

Ирина тоже взяла тетрадь и, одарив Сергея очаровательной улыбкой, вышла из кабинета.

Сергей был доволен, он даже не ожидал, что всё пройдёт так гладко. Но, что естественно, старое не хотело отступать, и сейчас он был весь в сомнениях.

«Неужели, неужели?! Не может быть! Неужели Ира наконец обратит на меня должное внимание? Это был лучший день в моей жизни. Ира, Ира, если бы ты только знала, как я тебя люблю! Хотя, может быть, теперь она это заметила? Может быть, теперь она будет относиться ко мне лучше? Теперь всё изменится, дело сдвинулось с мёртвой точки. Лучше...

Хотя, что из того, что она будет относиться ко мне, как к человеку? Разве что мне легче будет. И вообще, с чего я взял, что всё изменится? Тот, кто живёт во тьме, видя звёздочку, думает, что это Солнце. Вот и я увидел Солнце, а на самом деле... Ну обрадовалась она тому, что я подарил ей цветы, но ведь это в принципе естественно; не кинет же она мне их в лицо? Не за что. А завтра всё будет, как и прежде; цветы вянут. Как же страшно! Как же отвратительна неопределённость! Хотя, как раз-таки всё ясно: ей нравится Андрей, а я так... Зачем я ей нужен? Мечты, одни мечты. Воистину «Надежда есть худшее из зол, ибо она продлевает мученья человека». Сколько же мне мучаться? Чем ничтожнее человек, тем дольше длятся его мученья, а я буду мучаться всю жизнь. Маленькая, ничтожная тварь. Неудачник...

Нет, о чём я думаю? Ну, зачем так сразу настраивать себя? Надо же в конце концов здраво оценить ситуацию, а не жалеть себя. Она ведь так мило улыбалась мне, Андрею ведь... Хотя, кто её знает? Может быть, это она просто для того, чтобы хоть раз порадовать меня? Плата за подарок; не больше и не меньше. Всё моё счастье вызвано платой, я уже радуюсь любой подачке...

Но в тоже время она так свысока смотрела на Андрея, такого взгляда умышленно не сделаешь; может, он ей разонравился? А я его противоположность... но, с другой стороны, Ира, скорее всего, ждала подарка от него, а не от меня, и из-за того, что ей пришлось стать как бы обязанной мне, она и разозлилась на Андрея? Так оно и есть, всё не в мою пользу, хотя, когда хоть что-то было в мою? Разве я достоин... Нет, это я уже загнул. Это уже слишком надуманно, но в тоже время...

Нет, хватит, так и чокнуться недолго. Что я так разволновался? Сделал из мухи слона. Ничего ж особенного, по сути, и не произошло. Да и был-то всего один раз. Пока ещё рано говорить о чём-либо. Будет завтра день, послезавтра... Посмотрим, ещё всё впереди. Сейчас ещё...

Зазвонил телефон.

– Аллю.

– Здорово ещё раз.

– Привет.

– Как жизнь?

– Неплохо.

– Наконец-то, это радует.

«Надолго ли?»

«Надолго ли?»

– Что звонишь?

– Да просто так, делать нечего. Хотел узнать, как впечатления.

– А-а, впечатления нормальные.

– Это правильно, это заслуженный успех.

– Спасибо.

– Что ты мне ещё расскажешь?

– Я?

– Ты, кто же ещё? Повесели меня.

– Я не умею веселить.

– Это, конечно, зря.

– Знаю, но что уж поделать?

– Ну, тогда до скорого, увидимся.

– Ага, до скорого.

Сергей повесил трубку.

«Чего звонил? Завидую я ему, всегда весёлый... Вот кто подходит Ире, да и она ему; они прямо-таки созданы друг для друга. И как он только ей сопротивляется? Я бы не смог, да, наверное, и никто не смог бы, ну разве что кроме Андрея... А если он нарушит слово? Если не выдержит? В принципе, я его пойму. Да и не вправе я был брать с него слово, я поступил подло. И на что я только рассчитываю? Только мешаю всем, как грязная лужа, как... Эй, кому нужна лужа?..»

Выходные закончились.

Сергей сидел в аспирантской и что-то тихо напевал себе под нос. На прошлой перемене Андрея не было, и они с Ириной очень мило побеседовали, поэтому настроение у Сергея было несколько приподнято. Он то и дело поглядывал на часы, так как Ирина должна была подойти с минуты на минуту.

Появился Андрей.

– Здорово.

– Привет.

– Я вижу, ты сегодня в настроении.

– Можно и так сказать.

– Тогда поведай.

Сергей улыбнулся.

– Да, в принципе, ничего особенного и не было, просто разговорились мы как-то на прошлой перемене и...

– Ясно. Ну, тогда поздравляю, кажется, у тебя всё начинает налаживаться.

– Хотелось бы верить.

– А почему бы не поверить? Все факты на твоей стороне.

Сергей немного погрузнел.

– Боюсь, не самообман ли это?

– Пытаешься разобраться?

– В чём?

– Ну, самообман это или нет.

– Да, пытаюсь.

– Дохлый номер, лучше просто верить.

– Всё равно, обман – это зло.

– Обман – величайшее благо; на обмане строится всякая вера, а без веры нельзя жить.

– Понимаешь ли, мы, конечно, живём только благодаря вере, но надо учесть и...

- Ой, только не начинай.
- А что? Уж и слово сказать нельзя.
- Я знаю, к чему приводят такие слова.
- И к чему же?
- К долгой-долгой лекции на тему бытия и прочей онтологии и феноменологии.
- Я же...
- Лучше молчи, – отмахнулся Андрей и демонстративно отвернулся.
- Почему это он должен молчать?

Андрей не заметил, как вошла Ирина. С Андреем она, кстати, не поздоровалась.

- Потому что он слишком много говорит.
- Ну и зря ты не слушаешь, глядишь, умнее бы стал.
- А что я, тупой что ли?
- Всё познаётся в сравнении.

Андрей усмехнулся.

- Да я вообще гений, только об этом никто не знает.
- Ты хорошо это скрываешь.

«Неужели она так сильно на меня обиделась?..»

Сергей решил заступиться за Андрея.

- Потенциал у нас, в принципе, у всех одинаковый, только используем мы его по-разному.
- А кто и вовсе не использует, – Ирина улыбнулась и посмотрела на Андрея.
- Он мне нужен для практического применения, а практика поважнее теории будет.

Практика видна, а теория – нет.

- Ой, какой ты оказывается умный.
- Он...

Сергей хотел что-то сказать, но в этот момент в дверь постучали.

– Войдите.

– Здравствуйте.

Это был заведующий кафедрой.

Они поздоровались.

– Сергей Фёдорович, можно вас на несколько минут?

– Да, конечно, иду.

Сергей вышел. Андрей и Ирина остались одни.

Андрей молчал, Ирина тоже.

Прошло несколько минут.

То же самое.

«Что это она?..»

Они оба делали вид, что читают.

«Ух, какая она, оказывается, обидчивая».

Ирина едва не выронила ручку, с которой играла всё это время, но успела поймать её.

«А раньше... Что это я об этом думаю? Сдурел, что ли?»

Тишина и спокойствие...

«Ир, да ладно тебе, не обижайся ты так...»

...только едва слышный шорох бумаги.

«Как будто я пустое место, какие всё-таки женщины непостоянные. Ну и хорошо, может, тогда у Серёги всё получится, а может...»

Так тихо может быть только на кладбище или среди врагов.

Вернулся Сергей.

– Соскучились?

– Угу, – улыбнулась Ирина. – Андрей какой-то совсем молчаливый стал.

«Эх, не было бы Сергея...»

«Что-то я даже боюсь поверить...»

Сергей не успел сесть, как прозвенел звонок, и они, обменявшись несколькими фразами, разошлись по своим кабинетам.

Всю неделю у Андрея было какое-то странное настроение. Он и сам не понимал, что с ним происходит, почему и чего он хочет. Вернее, не хотел понимать. Перед выходными его настроение испортилось ещё больше.

«Ира, Ира, Ира... Неужели всё из-за этих несчастных цветов? Или, может, всё гораздо хуже? А вообще-то, чего я ожидал? Если бы на меня какая-нибудь девка недели три не обращала внимания, я бы, наверное, тоже переметнулся к другой. Вот дурак! Такой шанс упустил! Хотя, я же ведь обещал? Обещал. А на что я тогда обижаюсь? И на кого? Девушки друзей— это святое... Но, с другой стороны, она же ведь не его девушка. Мало ли, что он на неё глаз положил, она же положила глаз на меня. Естественная конкуренция, ни у кого никаких девушек я отбирать не собираюсь, так что, если я предприму определённые действия, ничего страшного в принципе не произойдёт; всё в рамках правил...

Отговорки. Казуистика; де юре— да, я имею право на Иру, а де факто— Я обещал. Вопрос только в терминологии... Вот Серёга, сволочь! Ни себе, ни людям; как собака на сене. Тоже эгоист ещё тот, о других даже и не думает, хоть бы вошёл в моё положение. Хотя, какое у меня положение? Я же её не люблю...

Вот зараза! Совсем перестала обращать на меня внимание, а раньше... Серёга, Серёга, прибить тебя, что ли? Везунчик. Уж чего не ожидал, того не ожидал. Я-то, честно говоря, думал, что ей эти цветы что шли, что ехали, ан нет, вон как всё вышло... Сам же и оттолкнул её; никогда себе этого не прощу, дурак.

О-ой, что-то совсем у меня плохие мысли стали. Неужели я уже так ко всему привык? Неужели я её так хочу? Хотя, какая разница, что я думаю? Главное...»

Телефон.

— Да.

— Здорово, Андрюха!

— Ромыч, ты что ли?

— Я.

— Сколько лет, сколько зим!

— Да уж, года два, наверное, не виделись.

— Вот так сюрприз... Куда пропал-то?

— А сам?

— Ну ладно, рассказывай, как жизнь молодая.

— Да так же.

— Надо же, и у меня так же.

Они засмеялись.

— Когда ж ты успокоишься?

— Никогда.

— И как у тебя сейчас успехи?

— Сейчас хреново.

— Что так?

— Тётка одна нравится, и я ей нравлюсь, но я дал обещание Серёге...

— Серёге?!

— Угу.

— Нашему Серёге?

— Да.

- Что это он? Решил по бабам податься?
- Хуже, он влюбился.
- Вот это новость! Не ожидал, не ожидал.
- Вот оно как бывает.
- А как она из себя-то?
- У-у, лучше я, наверное, и не встречал; просто с ума сойти.
- Вижу ты тоже...
- Что?
- Не прочь бы...
- Да вот, не прочь, и ещё как не прочь.
- Наверное, забыться пытаешься, да?
- Ага.
- Сочувствую.
- Спасибо на добром слове.
- Хочешь, кстати, уйти от данной проблемы?
- Хочу.
- Правда, не сегодня, завтра.
- Хочу, хочу.
- Роман рассмеялся.
- Ещё бы ты сказал: не хочу!
- Не дождёшься.
- Мне ж завтра двадцать пять стукнет.
- Да ну? Поздравляю.
- Так что приходи. Живу я там же.
- Ясно.
- И Серёгу захвати, хочу на него посмотреть.
- И совратить.
- Да, и совратить, а то что это такое...
- Сейчас же и позвоню.
- Звони.
- Ну, всё, увидимся.
- Ага, до скорого.

«Ну, хоть завтра вечер скоротаю. Не забыть бы Серёге звякнуть. Он хоть и всё равно не пойдёт, тем более при таких обстоятельствах... Сидит сейчас наверное, думает... Счастливчик. Он сейчас, наверное, на седьмом небе от счастья. Впрочем, оно и понятно, когда она обращала внимание только на меня, я тоже был счастлив и доволен собой... И о чём я думаю? Вот скотина, бабник несчастный...

Ира, что ж ты со мной делаешь? Просто ни о чём больше думать не могу. Сейчас бы тебя... Э-эх, и на кой чёрт ты пошла в аспирантуру? Надо же, попасть в наш универ, да ещё и на нашу кафедру. Наказание за грехи мои...»

Андрей вздохнул и пошёл искать чистые вещи.

Сергей пришёл сегодня значительно раньше обычного.

Вид у него был довольно странный, как у человека, который выиграл в лотерею и сам ещё в это не верит.

Он что-то буркнул Андрею в знак приветствия и, сняв пальто, сел за стол.

- Серёг.
- А?
- Здорово.

– Здорово, здорово.

Сергей молчал.

– Чего это ты?

– Что?

– Какой-то ты весь загадочный.

– Да?

– Угу.

– Ну, может быть.

– О чём думаешь-то?

Сергей пожал плечами и медленно опустил голову на руки.

– Не верится как-то, что-то здесь...

– Во, ты даёшь! Я-то думал...– Андрей махнул рукой.– Хреновнѣй ты, короче, страдаешь.

– А что делать?

– Действовать.

– Как?

Андрей удивлённо на него посмотрел: чтобы не знали, что делать в таких ситуациях, Андрей видел впервые.

– Я и пришёл пораньше, видишь? Совет мне нужен.

– А-а, совет,– Андрей многозначительно кивнул,– совет– дело неблагодарное, но так и быть, помогу, чем смогу.

– Ты думаешь, она правда...

«Ну как маленький».

– Ну, конечно же, правда. Я её обидел, ты наоборот, так что...

– Может, через недельку у неё весь этот настрой пройдёт?

– Конечно, пройдёт!

– И что тогда?

– Именно поэтому ты сейчас должен сделать так, чтобы он не прошёл.

– Как?

– Как?– Андрей задумался.– Вот ты бы на её месте чего хотел?

– Ну-у, это я, а это она. Она же всё– таки женщина, она...

– Вот это категорически неправильный подход к делу, это дурацкое противопоставление.

– Я ничего не противопоставляю, я...

– Противопоставляешь. Мол, ты– мужик, она– баба, поэтому у вас не может быть ни одной общей мысли; ты хочешь одного, она другого, ты к этому относишься так, она так...

– Ну, ясно, ясно.

– Всё то же самое, поверь мне. Вся разница всего лишь в небольших аспектах системы ценностей.

– Во ты как заговорил.

Андрей улыбнулся, действительно получилось заумно, по крайней мере, для него.

– Да,– Андрей восстановил ход мысли,– а под эту разницу можно очень даже легко подстроиться, ну и, конечно же, надо учесть, что ты как бы нападающая сторона, а она обороняющаяся.

Сергей кивнул.

– И что?

– Как «что»? Пойми, в принципе они хотят того же, что и мы, поэтому просто поставь себя на её место и твори; ничего сложного.

– Тебе легко говорить.

– Ещё проще сделать.

– Ну-ну.

– Это надо просто чувствовать, ну и быть уверенным в себе, остальное приложится.

– Уверенным– это конечно хорошо, но...– Сергей развёл руками, от чего Андрей даже расстроился.

– Не, ну как так можно? Ты это дело брось, с таким подходом к делу каши не сваришь.

– Не могу я как-то, я...

– Можешь, Серёжа, можешь. Сам себя настраиваешь, а потом ещё будешь говорить, что она сама виновата или обстоятельства какие-нибудь.

Сергей на секунду задумался.

– Андрей.

– Что?

– Мне совет нужен, а не лекция.

Андрей поднял руки.

– Тогда сдаюсь; советов я давать не умею.

– Да ладно тебе.

– Не, правда. Всё время боюсь, что меня неправильно поймут, а потом я же и виноват останусь.

– Не останешься.

– Да и вообще в таких делах никаких советов не может быть в принципе.

– Странные ты какие-то вещи говоришь.

– Почему?

– Как будто не хочешь мне ничего говорить, потому что не хочешь, чтобы у нас...

– Чего?!

«А может и правда? Нет, и в мыслях не было».

Сергей сам пожалел, что сказал такое.

– Извини, это я...

– Ух, ревнивец какой,– Андрей засмеялся, правда, слегка неестественно.– Да, тебе на пути не становись, а то...

– Да ладно тебе, хватит,– Сергей тоже улыбнулся.

– Пора бы тебе уже понять, нет у меня на ней никаких видов, не-ту.

– Понимаю.

– Я тебе и так, и так, а ты...

– Ну, глупость я сказал, глупость, всё, хорош.

Андрей, шутя, погрозил пальцем.

– Смотри, а то как возьму, как обижусь...

– Всё, уже боюсь, больше ни слова не скажу.

Сергей действительно замолчал, а Андрею сказать, в общем-то, было и нечего. Это неловкое молчание продолжалось несколько минут. Наконец Андрей не выдержал.

– Серёг,– Андрей достал сигарету и закурил,– ты сейчас главное делай вид, что ничего особенного не произошло, мол, это всё в порядке вещей; пускай сама оценит.

– Угу.

– Разговоров особо не начинай, надоедать сейчас нельзя ни в коем случае; весь эффект испортить можно. И вообще старайся относиться к ней равнодушной.

– А это ещё зачем?

– Если она поймёт, что она тебе очень дорога, то интереса к твоей персоне будет значительно меньше. Ты ведь и так, получается, её, так зачем же тогда производить впечатление? Тем более, что сейчас у неё к тебе очень даже хорошее отношение, так что уж поверь мне, она сама будет пытаться сблизиться, потому что в глазах хорошего человека особенно,– Андрей подчеркнул это слово,– хочется быть хорошей.

С этим нельзя было не согласиться.

– Ясненько.
– Ну, вот и хорошо.
– Только вот есть одна проблема.
– Какая же?
Сергей с сожалением развёл руками.
– Я так не смогу.
– Во ты...
– Не, правда, не смогу. Она же для меня...
– А ты старайся.
– Тогда это будет неестественно.
– Хм, тоже верно, – Андрей думал, что теперь можно посоветовать, но так ничего и не придумал. – Ну, тогда не знаю.
– Ладно, и на том спасибо.
– Получается, не за что.
– Да, получается.
Андрей соорудил умное лицо и многозначительно поднял указательный палец.
– Помни, только отказавшись, можно найти. Таков главный закон жизни – закон подлости.
– Ну-ну, ну-ну.
– Да будет она твоей; терпенье и труд всё перетрут.
– Надеюсь.
Сергей явно ушёл в свои мысли, и говорить с ним теперь было совсем неинтересно.
Андрей потушил сигарету и весь остаток перемены провёл в поисках тетради по практике.

Суббота.

Сергей был счастлив как никогда. Всю неделю Ирина только с ним и разговаривала, совершенно не обращая внимания на Андрея.

На душе у Сергея было спокойно и он, первый раз за этот месяц, решил попечатать. Он включил компьютер и открыл нужный файл.

«...лишь кажущиеся противоречия. В искусстве «магического» только то, что далеко не каждый может сделать так же; для общей массы это необычно, отсюда и возвышенно, плюс к этому об этом говорят все и всюду. Люди помешаны на любви, опять же потому, что об этом трезвонят на каждом углу, – сегодня печаталось на удивление легко, чему Сергей, безусловно, был рад. – Здесь следует уяснить, что общественное мнение в любом случае состоит из частных проявлений, а частности – это люди и для них, для каждого конкретного человека – это лишь средство. Для всех всё средство и разницы между ними, до выбора и расстановки приоритетов, ни для человека, ни для «вечности», ни для «бога» *никакой*. Всё возвышенное, неизменное, а так же низменное, плохое и т.д. – это лишь мнение толпы; такая система ценностей...»

Телефон.

– Алло.
– Здорово.
– Здравствуй, здравствуй.
– Что делаешь?
– Пишу.
– Пишешь? – удивился Андрей.
– А что такого?
– Да нет, ничего, просто давненько ты ничего не писал.
– Ну вот, собрался с мыслями.
– Ну да ладно, я ж тебе не просто так звоню, правильно?

- Угу.
- Ты Ромыча помнишь?
- Помню, конечно.
- Так вот, у него сегодня, оказывается, день рождения, ровно двадцать пять, и он приглашает всех друзей и знакомых.
- Сегодня?
- Сегодня, девок у него знакомых, кстати, немеренно.
- Не, у меня дела.
- Всё время у тебя или дела, или неохота.
- Ну и что?
- Хоть отвлечешься.
- От чего?
- От всего и от неё в частности.
- Не хочу.
- Ну как знаешь, моё дело предложить.
- Спасибо за предоставленную информацию.
- Ну, тогда до понедельника.
- Ага, до понедельника.
- Пока.
- Пока.
- «Только с мысли сбил».

Сергею расхотелось печатать и он, выключив компьютер, завалился на диван.

«Ах Ира... Неужели идеал существует? Она идеал, совершенство... Я даже не могу поверить в то, что она выбрала меня. Может она меня даже полюбит... Нет, любовь всё-таки самое прекрасное чувство на свете, с нею ничто не может сравниться. Господи, спасибо тебе за то, что я встретил Ирину. Достоин ли я такого счастья? Ира, как же я тебя люблю! Может быть и ты...»

Сергей лежал. На его лице сияла мечтательная улыбка.

Следующая суббота.

Сергея ещё не было, и в аспирантской стояла гробовая тишина. Пару раз Андрей пытался завести разговор, но Ирина отвечала односложными фразами и, судя по всему, разговаривать не хотела. Андрей же теперь чувствовал себя как-то неловко в такой тишине и не прекращал попыток.

Он пытался говорить весёлым голосом.

- Ир.
- А?
- А что ты такая злая?
- Я злая?
- Да, в последнее время.
- Тебе так кажется.
- Ирина продолжила писать.
- Нехорошо ты себя ведёшь.
- Почему?
- Откуда ж мне знать?
- Нормально я себя веду, не выдумывай.
- Я и не выдумываю.
- Да и ты тоже эту неделю какой-то не такой.
- И в чём же это выражается?

Ирина пожала плечами и замолчала.

Андрей почему-то обиделся.

«Ещё и издевается. Неужели поняла, что я в неё влюбился?»

Ирина всё также что-то читала в своей тетради.

«Что же делать? Никакого житья нет».

Ирина перевернула страницу.

Андрей положил голову на руки и уставился в окно.

«Нет, надо предпринимать меры, это уже становится невыносимым. Что делать?... О! Как же я раньше не догадался? Если она на меня столько времени злится, значит, она либо меня ненавидит, либо наоборот влюблена и пытается скрыть свои чувства. Тогда выход один: надо признаться ей в любви...»

Ирина сделала удивлённое лицо и что-то написала на листке бумаги.

Андрей стал постукивать пальцами по крышке стола.

«Но как? Когда? Хотя, какая разница? Почему бы даже и не сейчас? Что тянуть? Потом же только труднее будет, да и...»

– Сколько до пары?

Андрей посмотрел на часы.

– Почти двадцать минут.

Ирина отложила ручку и закрыла тетрадь.

«Ира, не вздумай уйти, только не это...»

– Пойду-ка я перекушу.

«Вот чёрт!»

– Иди, удачи тебе.

Ирина хихикнула.

– Да уж, она мне очень понадобится.

– Надеюсь, мы ещё встретимся.

– Надейся.

Ирина вышла.

«Господи, она меня с ума сведёт! Где ж я раньше-то, дурак, был? Серёга... Всё решено, надо ей во всём признаться, иначе я просто чокнусь. Я не Серёга, чтобы неделями только шутки шутить...»

Появился Сергей.

– Привет.

– Здорово, – промямлил Андрей.

– Что такой грустный?

– Да так...

– Ира здесь?

«Ну, хватит о ней, наконец!»

– Отошла, скоро будет.

– Ясно.

Сергей сел.

Молчание затянулось.

Каждый думал о своём; об одном и том же.

Наконец Сергей собрался с силами.

– Андрей, у меня к тебе вопрос.

– Давай.

– Ты знаешь, что у меня сейчас с Ирой всё очень неплохо складывается...

«Издевается, что ли?»

– ...но мне, естественно, хотелось бы большего, сам понимаешь, и вот я...

– Ну что?

– Я подумал, может мне во всём ей признаться?

«Только не это! Проклятье!»

Андрей задумался.

«Неужели он... она... Да, он её любит, и я обещал... Да к чёрту все обещания! Я же не знал, что сам влюблюсь в неё!»

– Ну, так что?

«Ира... Что же делать?»

– Я думаю, не стоит, – неуверенно протянул Андрей.

– Не стоит?

– Да, – Андрей сделал уверенное лицо. – Точно тебе говорю.

Сергей смутился.

– Почему?

– Ну-у... Ты этим всё только испортишь, не надо так резко.

– А я думал – наоборот, всё станет на свои места, без этих дурацких недомолвок.

– Нет, нет, нет, ты плохо знаешь женщин; они боятся чувств...

– А по-моему, это мы боимся чувств, а не они.

– А они не люди, что ли? Все боятся, и они тоже.

– Да?

– Пусть ещё хотя бы неделька пройдёт, она должна сама определиться, без давления.

Сергей задумался.

– Да, наверное, ты прав.

«Ну, слава Богу...»

– Конечно, прав, уж женщин-то я знаю.

Сергей кивнул и посмотрел на часы.

– А куда она ушла?

– Насытиться.

– А-а.

– Скоро подойдёт, не переживай.

– Я и не переживаю, с чего мне переживать-то?

– Я всё вижу, меня не обманешь.

– Ты преувеличиваешь.

– Да ладно уж, носишься с ней, как...

– Чего это ты?

– Да так, не обращай внимания. Шутки у меня такие, а то не знаешь.

– Да уж знаю, хотя ты прав, но по-другому я не могу.

«Все не могут...»

– Да я не в укор тебе, всё правильно, только нервы и спешка здесь ни к чему.

– Да я и сам это понимаю, но ничего не могу собой поделать.

– Бывает.

Они замолчали.

Через минуту пришла Ирина и, мило поздоровавшись с Сергеем, села за стол.

Андрей сразу же вспомнил, что забыл кое-что проверить и углубился в какие-то расчёты.

Сергей тоже думал о чём-то своём, делая вид, что читает.

Ирина же украдкой посматривала то на одного, то на другого, силясь скрыть улыбку, и тоже создавала впечатление занятости.

Так они просидели до самого звонка.

Андрей пришёл домой весь в расстроенных чувствах. В голове всё перемешалось и даже как-то обесценилось.

Он сел в кресло и стал медленно снимать ботинки.

«Ну и кто я после этого? Это же надо опуститься до такой степени! Н-да, это уже не объяснишь одними формальностями. Я не только не сдержал обещание, я ещё и предал; в прямом смысле слова предал. Эх, я и не знал, что я могу быть такой скотиной, вот что любовь с людьми делает: превращает в законченных эгоистов. Чёрт! И главное ничего не могу с собой поделать! Просто никаких сил нет сопротивляться; в голове только Ира, Ира, Ира... я весь её, я уже не я, а какое-то зеркало, в котором кроме Ирки никто не отражается. Это надо же было влюбиться! Как хоть меня так угораздило? Я же никогда в любовь не верил... Может, не любовь это? Хотя, что же ещё? Все признаки налицо, типичное помрачение рассудка в виде любви. И ведь понимаю, что не нужна мне эта любовь; Ирка— дрянь; любовь— дрянь, тут ещё Серёга... А она, зараза, не угасает, только ещё хуже становится. Или лучше? Даже не знаю. Вот дурак, дурак... Я люблю Ирку, я не могу без неё. День не вижу и просто с ума начинаю сходить. Я бы, наверное, жизнь отдал за...»

Зазвонил телефон, отчего Андрей едва не подпрыгнул.

Он чертыхнулся и нехотя снял трубку.

— Да.

— Приветик.

— Привет.

— Узнаёшь?

— Конечно, Наташенька, как же тебя можно не узнать?

— Молодец.

— Угу.

— Что не звонишь?

— Некогда.

— Тебе и некогда? Не смейся.

— Весь в делах.

— Не верю, чтобы у тебя были какие-нибудь дела.

— Не веришь— не надо.

— А чего это ты такой злой сегодня?

— Секрет.

— Серьёзно?

— Чего звонишь-то?

— Да вот банкетик я сегодня устраиваю небольшой, будет Толян, Катька...

— Ясно.

— Придёшь?

Молчание.

— Ну?

— Нет, не могу.

— Как-то ты неуверенно это говоришь.

— Может быть, и хотелось бы, но не могу.

— Что же так?

— Вот так.

— А когда сможешь?

— Не знаю.

Наташа явно обиделась, но Андрею было всё равно.

— Ну как хочешь...

— Всё, до скорого.

– Пока.

Андрей положил трубку и снова уселся в кресло.

«Соскучилась, наверное... Да таких, как она – миллионы, да и зачем я ей сдался? Расслабиться вечерок. Мелочи всё это. Удовлетворение примитивных потребностей. Вот Ира – это да, это... даже не знаю, как сказать... Ира, что ж ты со мной делаешь? Что же делать? Что...»

– Серёж, подай вон ту книжку.

– Лебедева?

– Ага.

Сергей взял книгу и, встав, протянул её Ирине.

– Спасибо, – улыбнулась она.

– Да не за что.

«А мне она так больше не улыбается... Да что хоть я об этом постоянно думаю?»

– Андрей, о чём задумался?

– А?

– Задумался, говорю, о чём?

– Да так, – Андрей махнул рукой и снова уставился в окно, – весна...

– Да, тепло сегодня.

– Угу.

– Неразговорчивый ты какой-то стал в последнее время.

«Да отстань ты от меня!»

– Проблемки? – Ирина снова улыбнулась, но уже какой-то скорее издевательской улыбкой.

– Никаких проблем.

Андрей ясно давал понять, что разговаривать он сегодня не желает.

Он достал сигарету.

– Андрей...

– А, – он махнул рукой.

– Да пусть курит.

Атмосфера стояла какая-то грустная и напряжённая.

Ирина разбиралась в задачах, Андрей всё так же смотрел в окно, то и дело затягиваясь сигаретой, а Сергей просто не знал, о чём говорить.

– Сколько до звонка?

– Почти десять минут.

Андрей кивнул.

«Совсем какой-то он сегодня...»

– Ира.

– Что?

– А что ты делаешь сегодня вечером?

Она сразу оживилась.

– Ничего.

Андрей стал ещё сосредоточенней смотреть на прохожих.

– Сегодня в «Свободном пространстве» премьера, может, сходим?

– Сходим.

Да, от такой улыбки действительно можно было сойти с ума.

– Ну, тогда я за тобой зайду, часиков этак в шесть.

– Угу. А о чём он будет?

– Сама увидишь.

– О любви?

Как она это сказала...

«Ну, Ира,— Андрей докурил сигарету почти уже до самого фильтра, но тушить её ещё не собирался,— ну назло ты, что ли?»

— О любви; о курсанте и о содержанке с очень плохой мамашей.

— Я, кажется, об этом что-то слышала.

— Может быть.

Андрей потушил уже чуть ли не на половину истлевший фильтр и решил, что надо сказать хоть что-нибудь, во избежание всяких там подозрений.

— Лучше бы вы в клуб какой сходили; на этих же спектаклях со скуки ведь помереть можно.

— Ничего ты не понимаешь.

— Ир, ну уж в чём — в чём, а уж в развлечениях я разбираюсь.

— Напиться, поднять кого-нибудь, да?

«Что это они?»

— Какая же ты умная,— сказано это было с заметной издёвкой.

— Я бы... — почти в том же тоне хотела подхватить Ирина, но Сергей перебил её.

— Ну что вы, как маленькие?— решил успокоить их Сергей.— О вкусах не спорят.

— Тогда и нечего навязывать своё мнение.

— А я и не навязываю,— Андрей попытался сделать непринуждённый вид, но у него это получилось совсем плохо.

Ирина усмехнулась и, ничего не ответив, снова обратилась к учебнику.

Андрею стало совсем неудобно; ему нужно было обязательно с кем-нибудь поговорить.

— Серёг.

— Что?

— Это... Что-то я сказать хотел...

— Говори.

Андрей сделал вид, что задумался.

— Забыл. Вот чёрт.

— Бывает.

«Дурак, дурак, дурак! Да что это со мной? Чувствую себя, как мальчишка, как...»

— А, кстати, ты книжку мою когда принесёшь?

— Какую?

— Кундеру.

— Кундера, Кундера... А, так я же её ещё не прочитал.

— Да ты его уже больше двух месяцев читаешь.

— Ну-у, времени нет.

— Нет времени?— не поверила Ирина.— У тебя ж никаких дел.

«Ира, какая же ты порою бываешь злая».

— Молчит,— указала она на Андрея, как будто Сергей этого не видел.

— Просто слов нет.

Ирина покачала головой и вновь стала что-то выписывать.

— Много хоть прочитал?

«Серёг, ну ты ещё...»

— Я...

— Да он на бумажки её уже, наверное, изорвал,— Ирина засмеялась звонким, весёлым смехом.

— Ира, ну как так можно?— хотя Сергей тоже не смог сдержать улыбки.

— Гадкая я, да?

— Да я не о том, просто так думать об Андрее...

«Ну-ну, ты ещё позащищай меня».

– А что? Что я такого сказала?

– За книжку страшно стало.

Ирина снова засмеялась.

– Бойся, бойся, он...

Они ещё долго о чём-то говорили, но Андрею это было уже не интересно.

«Какие же вы... Ира... Что ж мне так хреново?»

В таком плохом настроении Андрей, наверное, ещё никогда не был. Он не переоделся, не пошёл готовить обед и даже не стал включать телевизор; он просто завалился на кровать и закрыл глаза.

«Как же мне хреново».

Он хотел подумать о чём-нибудь отвлечённом, но у него ничего не получалось; он хотел чем-нибудь заняться, но у него не было сил даже на то, чтобы встать, и в голове была одна только Ира.

«Как хоть так могло получиться? Почему? Да, я влюбился. Влюбился как последний мальчишка,— он вздохнул,— а я-то думал... Ну как же так? Как? Я же никогда этого не хотел, я ведь даже не верил, и вот на тебе, любовь, чтоб её... И ведь ничего не могу с собой поделать; это выше меня. Ну почему? Я же вроде бы... Или, может, это всё она? Нет, при чём здесь она? Я сам создал себе идеал, сам захотел, сам влюбился, не могла же она влюбиться за меня?— Андрей улыбнулся такой мысли, но от этой улыбки, которая была так не к месту, ему стало ещё хуже.— И ведь что самое смешное, прекрасно понимаю, что она далеко не идеал, что она может быть и вовсе дрянь, но... Всё равно, лучше женщины не существует. Ира, Ирочка... Вот чёрт! Даже думать больше ни о ком не могу. Наташке отказал, с Викой уже почти две недели не виделся, и ведь не нужен никто, только Ира, Ира, Ира...

Эх, если бы не Серёга, насколько всё было бы проще. Да что там проще, вообще никаких проблем бы не было. Он ещё... Что же делать-то? И без неё не могу, и с ней не могу...

А может, Серёга поймёт? Он же всё-таки не дурак. Хотя, что Серёга? Он, может быть, и поймёт, свыкнется, а я? Я же сам себя за человека считать перестану,— он горько усмехнулся и добавил шёпотом,— если уже не перестал, влюбился... Дурак. А Серёга? Если что, он ведь и знать-то ничего не будет, так что... Нет, это подло, это низко...

Но не могу я без неё!»

– Не могу, не могу...

«Видеть её каждый день, разговаривать с ней... И ведь я ей тоже нравлюсь, наверняка нравлюсь. Мне же достаточно просто прийти к ней и... Чёртов телефон».

– Да.

– Здорово, Андрюха!

– А, привет, Вован.

– Что делаешь?

– Ничего.

– А что грустный такой?

– От нечего делать.

– Ну, так это можно поправить.

– Ну и,— Андрею совсем не хотелось говорить, но и выдавать себя он тоже не собирался.

– У Ольки сегодня вечером...

– Не пойду.

– Ты что, совсем, что ли?

– Не хочу.

– Ну, ты... Что хоть случилось-то?

Да, нужно было срочно что-нибудь придумывать.

– Живот что-то, понимаешь?

– А-а, так бы сразу и сказал.

– Жрать вчера сильно хотелось; сосиски варить не стал, вот и...

– Ясно, ясно.

– Вот так-то.

– Ну ладно, тогда выздоравливай.

– Угу.

– Хотя там и Вика...

– Да не могу я, сказал же!

– Понимаю, понимаю, ты только не нервничай.

– Да я вообще спокоен как танк.

– Вот и хорошо. Ну, всё, тогда пока.

– Пока.

Андрей бросил трубку и снова улёгся на кровать.

«Что же это такое происходит-то? Не пошёл... Да, я точно заболел. Заболел самой отвратительной болезнью, которая только может быть. Ира... Что же делать? Не могу я так больше! Сил никаких уже нет. Я с ума сойду, я... Надо действовать, но как?.. Как...

Да что я мучаюсь-то, в конце концов? Я не Серёга, чтобы... Какой же я... Надо во всём признаться и чем скорее, тем лучше, а то Серёга... Будь, что будет, хуже всё равно уже быть не может. Когда? Завтра же... Нет, завтра воскресенье, в понедельник весь день будет Серёга... Во вторник? Я, наверное, вообще до вторника не доживу. Всё, сегодня же, сейчас же! Сегодня суббота, ещё в принципе рано, она должна быть дома. Приду и во всём признаюсь... Нет, глупо как-то, она может испугаться... Чушь! Она не из пугливых. Или она меня примет, или рассмеётся в лицо; третьего не дано. Уже хоть какая-то определённости; хотя бы думать не будет, а то уже никаких сил нет, даже Наташке отказал! Месяц назад сказали бы, что я могу ей отказать, ни за что бы не поверил. Всё, надо идти. Чем дольше думаешь, тем хуже. Вот так внезапно, спонтанно... Вот Ирка... Влюбился на свою голову. Влюбился, влюбился...

Всё, нечего ждать! Я решил, значит прямо сейчас, не медля. Я хочу, чтобы она меня сама послала, я хочу этого. Да, я сделаю глупый поступок, но в данной ситуации это лучший выход. Вот прямо сейчас одеваюсь, по справочнику узнаю адрес и еду.

Так надо. Больше я уже не могу».

Андрей встал, вернее даже вскочил и, лишний раз не задумываясь, пошёл искать чистые вещи.

– Привет.

Ирина сняла пальто и села за стол. Сегодня она выглядела на редкость весёлой.

Сергей сразу приободрился и легонько поправил волосы. Андрей же наоборот сник.

– Как прошли выходные?

– Замечательно, – Ирина мельком кинула взгляд на Андрея, но Сергей этого не заметил. Больше Ирина ничего не сказала.

Сергей удивился такой прохладности, но, в принципе, никакого значения этому не придал.

– И что же ты делала, если не секрет?

– Да так, дома сидела.

– И это «замечательно»?

– А что? Ты же все выходные пишешь и ничего, нормальные выходные получаются.

Сергей не понял, то ли это была издёвка, то ли это просто так, но, в конце концов, решил, что скорее второе.

Андрей скромно вздохнул.

«Н-да, теперь он Ирке по барабану. Радоваться ли?..»

– Я, кстати, почти уже месяц ничего не писал.

– Что же так?

– Не могу и всё тут. Настроиться никак не могу, сконцентрироваться.

– Да?

– Мысли не те.

– А-а.

«По-моему, она ничего не поняла».

Сергей хотел ещё что-то сказать, но ничего подходящего не нашёл и, в конце концов, передумал.

«Что-то Ира сегодня не в духе...»

«Ир, ну зачем так резко? Обо мне бы хоть подумала...»

Ирина внезапно что-то вспомнила.

– Кстати, Андрей, принеси завтра Атамоляна, мне надо кое-что там посмотреть.

– Ира, а с чего это ты взяла, что он у меня?

– Ну, ты же брал, – Ирина улыбнулась.

– Хотел взять, но не взял.

– Обманщик.

«Ну, зачем так резко-то?..»

«Что-то не то...»

– Почему это? – Андрею этот разговор явно не нравился, и он то и дело поглядывал на Сергея.

– Сказал, что нужен, а на самом деле...

– Передумал.

– Ой, какие мы непостоянные.

«Ир, ну ты назло, что ли?»

«Ничего не понимаю...»

Все молчали.

«Не, ну что это такое? Неужели ты не понимаешь, что Серёга... Вдруг заметил? Расспрашивать начнёт... А я же его... я же ему...»

«Хм, Ира сегодня явно не в духе, хотя ничего ж, в принципе, и не произошло. Ну, мало ли...»

Просидев ещё минуты три, они так же молча пошли на пары.

Печатать сегодня Сергею совсем не хотелось, и компьютер он включил только с надеждой, что аппетит всё-таки приходит во время еды.

Да и надо же было как-то отвлечься.

Он зачем-то посмотрел свойства файла, в котором он печатал. Как выяснилось, он занимал почти мегабайта. Буквы, буквы...

«Сколько же всего... Не задумываясь, променял бы всё это... Как же я люблю её, – Сергей закрыл глаза. Он представил её улыбку, которая ему казалась самым прекрасным, что только может быть на свете. – Почему она стала ко мне так относиться? В чём дело? Что я сделал? Где я сглупил? Ничего не понимаю.

А может... Может, я ей просто надоел? Зануда и неудачник, зачем я ей нужен? Неудачник. Любой мужчина может быть её, а я... Да кто я такой? На что я вообще надеюсь? – он вздохнул, выдвинул клавиатуру. – Нет, надо выкинуть эти дурацкие мысли, хватит заниматься самобичеванием, не такой уж я и плохой. Так, что там? «...не более. Какая разница для человека, будет он стихи писать или воровать кошельки у бабулек? *Никакой*. Удовольствие (опять

же для конкретного человека и после утверждения выбора) будет что там, что там одинаковы; это лишь для *людей* имеет значение. О каких «прекрасностях» и «возвышенностях» может идти речь, если только сам человек и только для самого себя может устанавливать эти категории? Другое дело, что почти все...» Нет, не могу,— он положил руки на подлокотники и закрыл глаза.— А может, я просто всё преувеличиваю? Ну, перестала она обижаться на Андрея, ну и что из этого? Это естественно, не всю же жизнь ей на него дуться? Тем более из-за таких пустяков, а Андрей? Его поведение? Тоже всё вполне естественно, он же мне обещал не приставать к ней, даже сторониться, так что же я тогда? Наоборот, это должно только радовать. В чём проблема-то? Нет никакой проблемы, ни-ка-кой. Работать, надо работать,— он снова принялся за дело.— «...расставляют эти категории одинаково, но, очевидно, что это вышеизложенного фундамента никак не касается». Нет. «...не трогает. Но, тем не менее, для определённого человека «высоко» может стать «низко», и наоборот, суть от этого не изменится; произойдёт только замещение целей и всё. Никакого «опущения», «падения» или наоборот «возвышения»...» А может Ира... Да блин! «...не существует. *Всё одинаково...*»

Да что ж такое? Что же меня так гложет? Не могу понять. Не могу и всё тут. Ничего плохого я не делал, так? Так. Значит не во мне дело, или... А ведь может быть в том-то всё и дело, что ничего. Ну конечно! Веду себя, как пятиклассник, а ещё хочу чего-то. Надо же настойчивей себя вести, надо... А то, конечно, какой у неё будет ко мне интерес, если я...

Да когда ж я, наконец, допишу эту чёртову главу? «...итог один—самоутверждение и удовольствие, и разницы здесь...» Нет, как? Я что-то не так писал, что-то... Наплевать. Вот Ира—это... Так, что делать? Надо срочно что-нибудь придумывать, что-нибудь такое простенькое, но со вкусом. Цветы...А что, чем плохо? Завтра же... Просто так, ни с того ни с сего возьму и подарю цветы. Да, пожалуй, это будет правильнее всего. Завтра у неё вторая и третья пара... Нормально, цветы купить я успею.

Да, в это всё дело, только в этом. Ведь чувствую, что в чём-то виноват... Интересно, как она отреагирует? Как она...»

Сергей облокотился на спинку кресла и, окончательно уверовав в причину всех его бед, предался мечтаниям.

«Я люблю тебя Ира, люблю...»

Прошла неделя.

Ирина совсем перестала обращать внимание на Сергея, что, мягко говоря, не очень-то нравилось Андрею, который уже начинал на неё злиться. Сергей же старался не придавать этому особого значения, дабы лишний раз не впадать в депрессию.

Этот день ничем особым от предыдущих не отличался.

Ирина с грустным и уставшим видом перебирала бумаги. Андрей и Сергей что-то сосредоточенно читали.

— Андрюш, у тебя скрепок нет?

«Опять Андрюш... Ну сколько можно говорить...»

— Нет.

— У меня тоже нет.

Ирина вздохнула и отложила бумаги.

— А что ты сегодня такой насупившийся?

— Просто так.

— Просто так даже мухи не женятся.

— Как знаешь.

«Что это он ко мне так?..»

«Ну, неужели нельзя скрыть свои чувства? Сергей же...»

Ирина замолчала.

Снова нависла тишина.

«Ира, вот зараза. Это ж надо было влюбиться в такую... Где только были мои глаза? Ну хочешь ты отшить Серёгу, но неужели нельзя это сделать по-другому, не позоря меня?..»

«Н-да, кажется, Ира от меня отдаляется. Сам виноват, так долго тянул... Надо что-то делать...»

Ирине надоело молчать.

– Сколько у тебя ещё пар?– обратилась она к Андрею.

– Следующая последняя.

– А у тебя?– скромно поинтересовался Сергей.

– Сейчас окно, потом пара,– она даже не посмотрела в его сторону.

«Надо, надо...»

– Ира, а ты на выходные что будешь делать?

– В принципе, ничего.

– В принципе, или ничего?

– Вроде намечается какая-то вечеринка, а может её и не будет, не знаю.

– Ну, я тебе тогда позвоню.

– Угу.

«Ир, ну вот нельзя было ответить по-нормальному? Обязательно надо...»

«Неужели это всё? Почему? Нет, не может быть! Как-то это...»

К счастью, с минуты на минуту должен был быть звонок.

«Ира, Ира, ну зачем ты так? Неужели нельзя по– человечески? Зачем? Я же тебя просил не афишировать наши отношения, а ты... С Серёгой вообще чуть ли не сквозь зубы стала разговаривать, и это твою дурацкое «Андрюш»... Ну зачем тебе это надо? Чтобы нас с Серёгой рассорить? Или, может, чтобы мне на самого себя смотреть противно было? А вообще... Вообще, мне уже и так противно. Каждый день смотришь на Серёгу и... Я предатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.